ОРГАНИЗАТОР:

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ:

Ассоциация ведущих университетов
Association of Leading Universities

Аналитические материалы

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:

МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

11 НОЯБРЯ 2026 ГОДА • МОСКВА

содержание

РЕЗЮМЕ 3
1. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОВЕСТКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 5
2. СМЕНА АКЦЕНТОВ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ПОВЕСТКИ 9
3. НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ 12
4. ЧЕЙ ОПЫТ УР ВОСТРЕБОВАН ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВУЗАМИ 14
5. ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УР В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ 18
Приложение 1. Интервью с участниками проекта 20

Все интервью доступны на сайте www.raex-rr.com в разделе Медиаматериалы проекта

© ООО «Международная группа РАЭКС»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование, как и три предыдущих[1], осуществлённых RAEX в 2023-2025 годах, посвящено изучению вовлечённости российских университетов в осмысление и практическую реализацию принципов устойчивого развития.

В нынешней аналитической записке мы, опираясь на комплекс углубленных интервью с представителями ведущих университетов России, стремились выявить трансформацию участия отечественных вузов в международной кооперации в сфере устойчивого развития, прежде всего в направлении т. н. Глобального Юга и Глобального Востока, а также содержание и перспективы этого участия.

Мы выражаем искреннюю признательность нашим респондентам, согласившимся изложить своё видение указанных проблем:

Юрию Камбулатовичу Альтудову, и. о. ректора Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова;

Екатерине Рэмовне Безсмертной, декану факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве России;

Жанне Сергеевне Беляевой, председателю рабочей группы Комитета по устойчивому развитию Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина;

Олегу Витальевичу Буклемишеву, заместителю декана экономического факультета МГУ;

Михаилу Витальевичу Иванову, руководителю кластера «Технологии защиты природы» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;

Марии Евгеньевне Жуковой, советнику по вопросам устойчивого развития при ректорате Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, директору Центра устойчивого развития РУДН;

Елене Геннадьевне Лимановой, заместителю декана экономического факультета Новосибирского государственного университета;

Игорю Наумовичу Розенбергу, научному руководителем Российского университета транспорта, члену-корреспонденту РАН;

Заурбеку Асланбековичу Саидову, ректору Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова;

Татьяне Александровне Шебзуховой, ректору Северо-Кавказского федерального университета;

Элине Николаевне Яковлевой, проректору по научной и инновационной деятельности Государственного гуманитарно-технологического университета.

[1] См. аналитические записки за:
2023 г.: https://raex-rr.com/files/analytics/ESG_0712_Analytica_Final_Web.pdf («ESG в российской высшей школе: взгляд практиков»);
2024 г.: https://raex-rr.com/files/analytics/VUZ-ESG2024Web_Analytica_Final.pdf («Подготовка кадров в сфере ESG: взгляд работодателей»);
2025 г.: https://raex-rr.com/files/analytics/UESG2025_Analytica_Web.pdf («Университеты и устойчивое развитие: рейтинги, практики, новые тренды»).

РЕЗЮМЕ

Участие российских вузов в международной активности в сфере устойчивого развития, испытывая геополитические ограничения, всё больше ориентировано на БРИКС-инициативы. При этом в повестке УР национальные приоритеты приобретают всё больший вес и перенос «центра тяжести» происходит не с Запада на Восток, а скорее в формировании ESG-суверенитета и замене ценностной парадигмы на прагматичное развитие партнёрств. Среди важнейших направлений внедрения принципов УР для вузов выступает взаимодействие с экономикой регионов присутствия и осмысленная адаптация к местным условиям. В выстраивании связей в рамках международной кооперации большие шансы имеют те университеты, которые могут предложить внешним партнёрам практические наработки.

В международном разрезе **интерес университетов к тематике устойчивого развития нарастает**, о чём свидетельствует стремление вузов участвовать в соответствующих рейтингах. Активность **российских вузов, несмотря на геополитические ограничения, всё больше нацелена на участие в БРИКС-инициативах** и двусторонние программы. При этом пока во многом **сохраняется уже сложившаяся страновая специфика в подходах к реализации принципов устойчивости в высшей школе**: западные вузы исторически более активны в экологической повестке и интеграции ЦУР в учебные планы, тогда как азиатские фокусируются на прикладных технологических решениях. **Ограничителем выступает зачастую нехватка финансов**: внедрение принципов УР — удел богатых университетов.

В последние годы **в повестке УР приоритеты и акценты под влиянием глобальных экономических и социальных процессов смещаются**. Говорить об утрате значения одной модели и полной замене её другой преждевременно. Формируется более разнообразная система подходов, в которой **национальные приоритеты приобретают больший вес**. Если **Запад ориентируется главным образом на риски для частного инвестора, то Юг и Восток в большей мере ставят во главу угла государственные стратегические цели**.

Таким образом, происходит **географическая регионализация во внедрении принципов УР**, а ESG-повестка включается в идущие процессы суверенизации. **Перенос «центра тяжести» происходит не с Запада на Восток, а скорее в формировании ESG-суверенитета и замене ценностной парадигмы на прагматичное развитие партнёрств**. В высшей школе это выражается в создании собственных национальных метрик и подготовке кадров, способных решать конкретные задачи региона и страны.

Участие российских вузов в международном сотрудничестве в деле внедрения принципов УР связано с вынужденным сворачиванием контактов с недружественными странами. Речь, однако, не идёт о сознательном и окончательном отказе изучать западные модели развития, поскольку **наука и образование по своей природе предполагают открытость к лучшим решениям независимо от их происхождения**. В восполнении утраченных связей и создании новых **большие шансы имеют те отечественные вузы, которые могут предложить внешним партнёрам практические наработки**.

Среди важнейших направлений внедрения УР при внешней активности для вузов выступает **взаимодействие с промышленностью, не просто внедрение инноваций, а их осмысленная адаптация к местным условиям**. Устойчивое развитие всё чаще выступает для вузов основой для создания и практической реализации **стратегий преобразования территорий присутствия**. Это требует **комплексного подхода к внедрению принципов устойчивости**, который сочетает подготовку востребованных специалистов, создание технологий для реального сектора экономики, развитие социальной инфраструктуры с укреплением международного академического сотрудничества. Понимая заранее, какой должна быть экономика региона присутствия, какие кадры, технологии и компетенции ей потребуются, **вузы могут заблаговременно формировать соответствующие образовательные программы и исследовательские направления**.

1. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОВЕСТКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Прежде чем приступить к изучению мнения наших экспертов по основной тематике настоящего исследования, зададимся вопросом, а есть ли собственно предмет для дискуссии — ведь в последнее время всё чаще в публичном пространстве раздаются голоса о заметном падении интереса к повестке устойчивого развития вообще и со стороны университетов в частности.

Для стороннего наблюдателя, лишь приступившего к изучению проблемы вовлечённости российской высшей школы в изучение и реализацию принципов устойчивого развития, последние два-три года могут представляться как период явного спада интереса к данной тематике со стороны отечественных вузов. Такое впечатление может сложиться при обследовании ведущих интернет-площадок, для которых указанная тематика служила и служит основой контента: и число, и регулярность публикаций (как оригинальных, так и обобщающих) очевидно сократились, равно как и вовлечённость российских университетов в разного рода публичную активность по теме устойчивого развития (проведение внутрироссийских мероприятий либо участие в зарубежных, сообщения о разного рода и содержания межвузовском взаимодействии и т. д.).

Насколько указанная точка зрения соответствует действительности? Можно ли и впрямь говорить, что тематика устойчивого развития для отечественных вузов маргинализуется и постепенно сходит на нет?

С одной стороны, данные международных агентств, рейтингующих вклад университетов в достижение Целей устойчивого развития ООН, говорят о поступательном развитии интереса университетов к тематике устойчивого развития: если в 2021 году в рейтинге участвовало 1 115 вузов, то к 2025 году их число выросло до рекордных 2 526 университетов из 130 стран, причём азиатские вузы впервые составили более 50% участников глобального списка.

С другой стороны, российская высшая школа в связи с изменениями внешнеполитической обстановки в последние годы была вынуждена перестраивать свою международную активность — прежде всего на западном направлении. И это

не могло не сказаться как минимум на количественных результатах вовлечённости наших университетов в реализацию повестки устойчивого развития.

Екатерина Безсмертная из **Финансового университета при Правительстве России** так описывает нынешние тенденции в указанной сфере: «Образовательный и событийный ландшафт российских вузов за последние пять лет претерпел заметную трансформацию: от декларативных форматов и ориентации на западные рейтинги мы перешли к прикладным, практико-ориентированным форматам сотрудничества, а внешняя активность переориентировалась с европейских площадок на евразийские и азиатские». При этом, по оценке Екатерины Безсмертной, у российских университетов «за последние пять лет мы наблюдаем качественный рост событийной и исследовательской активности. Научные мероприятия, связанные с вопросами устойчивого развития, привлекают огромное число участников — как представителей академического сообщества, так и практикующих специалистов, ширится тематическая палитра таких мероприятий. Повестка последовательно эволюционировала: от проведения отдельных секций по ESG-инвестированию и зелёной экономике в начале 2020-х мы перешли к обсуждению более широкого и ёмкого перечня вопросов: правового обеспечения устойчивого развития, ответственного транспортно-логистического бизнеса, корпоративных демографических политик и т. д. Изучение проблем устойчивого развития перестаёт быть тематикой кабинетных исследований и переходит в конкретную практическую плоскость».

Изменение направленности международного сотрудничества российских вузов с зарубежными коллегами в сфере устойчивого развития отмечает и ***Татьяна Шебзухова*** (**СКФУ**): «Если на первоначальном этапе значительное внимание уделялось формированию общих подходов и распространению соответствующей терминологии, то сегодня всё более востребованы практические результаты: разработка технологий, оценка воздействия на окружающую среду, повышение ресурсной эффективности, развитие инклюзивного образования и подготовка специалистов для новых отраслей экономики».

С тем, что «наблюдается переход от декларативной приверженности ЦУР к конкретным действиям: созданию институциональных структур, проведению международных конференций, публикации исследований и запуску совместных программ», согласна и ***Жанна Беляева*** (**УрФУ**). При этом, по её оценке, сохраняется уже сложившаяся страновáя специфика в подходах к реализации принципов устойчивости в высшей школе: «Европейские вузы (особенно в Скандинавии, Германии, Великобритании) исторически более активны в экологической повестке и интеграции ЦУР в учебные планы. Азиатские вузы (Индия, Китай, Малайзия) демонстрируют быстрый рост, часто фокусируясь на технологических решениях (ИИ для устойчивости) и социальной инклюзии. Российские вузы, несмотря на геополитические ограничения, сохраняют активность через участие в БРИКС-инициативах и двусторонние программы. Бизнес-школы с международной аккредитацией более системно интегрируют ESG в стратегию. Технические университеты (как УрФУ) чаще фокусируются на технологических аспектах устойчивости и ИИ, интегрируя ESG-стратегии через институт экономики и управления и гуманитарный институт. Одни вузы делают акцент на экологической устойчивости, другие — на социальной ответственности и этике ИИ, третьи — на экономических аспектах ESG».

Схожий взгляд на переосмысление в сторону практических действий и

на «разделение труда» среди вузов разных стран в указанной сфере имеет и ***Юрий Альтудов*** (**КБГУ**): «Я бы отметил не столько количественный рост отдельных мероприятий, сколько изменение самой модели внешней активности университетов. Устойчивое развитие всё чаще выходит за рамки специализированных конференций и научных публикаций и становится частью международной коммуникации, образовательных программ, исследований и работы с обществом… В Европе сильнее выражена роль университетов как площадок общественного диалога и экспертного участия в региональной политике. В Китае заметно более тесное соединение образования, исследований, государственной повестки и массовой коммуникации. В странах Персидского залива акцент сделан прежде всего на технологических решениях — энергетике, воде и декарбонизации». Наличие специализации, по мнению Юрия Альтудова, однако, не препятствует, а напротив, способствует «интернационализации образовательной повестки: университеты объединяют студентов и исследователей разных стран вокруг практических задач устойчивого развития, создают совместные программы и международные исследовательские проекты».

В целом положительная динамика международного сотрудничества по повестке устойчивого развития тем не менее наталкивается на определённые препятствия. Самое очевидное из них — нехватка денег. По мнению ***Марии Жуковой*** (**РУДН**), «при некотором влиянии геополитической ситуации на академические партнёрства, наиболее существенным сдерживающим фактором здесь всё-таки является недостаток или отсутствие финансирования и (или) иных ресурсов у российских и зарубежных вузов. Помимо поддержки руководства вуза, первостепенное значение имеет достаточность у вуза ресурсов для реализации проектов (программ) в области устойчивого развития».

Наряду с в целом позитивными оценками динамики участия отечественных вузов в международной кооперации по повестке устойчивого развития не можем не отметить и голоса скептиков. Так, ***Елена Лиманова*** из **НГУ** ситуацию с мероприятиями университетов для УР в России характеризует как «стабильную или стабильно низкую… Уверена, что зарубежные университеты активно включены в повестку УР, как минимум из-за того, что объединяют в себе образование и исследования, а значит, как центры исследований, должны отвечать на вызовы устойчивости». А ***Михаил Иванов*** (**МГТУ им. Н. Э. Баумана**) вообще считает, что само выявление той или динамики здесь бессмысленно, поскольку «высшее образование — крайне консервативная отрасль, и для неё “всплески моды” даже длительностью в пару десятилетий часто проходят почти незамеченными».

Несмотря на разность оценок нынешнего состояния с продвижением повестки устойчивого развития в отечественной высшей школе, опрошенные нами респонденты в целом оптимистично смотрят на перспективы развития принципов устойчивости на российской почве вообще и в наших университетах в частности. Так, ***Олег Буклемишев*** из **МГУ** видит залог перспективности тематики УР в запросах молодёжи, чьи «ценности как раз близки к принципам устойчивого развития. Да и сами вузы волей-неволей работают в указанном направлении — начали задолго до того, как вся эта терминология и институционалка появились. Это и самоуправление (буква G): посмотрите на стремление сохранить традицию совместного решения вопросов, обсуждения чего-то важного профессорами и студентами, аспирантами в духе солидарности, сотрудничества, а не административной вертикали. Это и социальные вещи (буква S): вузы часто являются носителями социальных, то

есть левых идей; вспомните французскую революцию 1968 года, зародившуюся в Сорбонне. И многочисленные исследования в области экологии, проводимые вузовскими исследователями (буква Е). Так что эта повестка для университетов сохраняет актуальность».

Свой позитивный взгляд в будущее принципов устойчивого развития в российских вузах ***Екатерина Безсмертная*** (**Финуниверситет**) обосновывает конкретными цифрами: «Востребованность и престижность [учебных программ в сфере УР] подтверждается итогами минувшей приёмной кампании. Если средний балл поступивших в 2024-м составлял 91,54, то в 2026-м — уже 95,44. Конкурс (по первому приоритету) на бюджетные места в 2026 году составил 11,1, на платные — 2,7 человека на место. Отчасти это свидетельствует о том, что ESG-повестка перестала быть нишевой и сфокусировала на себе поток мотивированных абитуриентов, которые выбирают этот трек осознанно. По результатам ежегодного опроса, почти 60% первокурсников, поступивших на эту программу, назвали определяющим фактором своего выбора актуальность ESG в бизнес-структурах.

Сравнение данных мониторинга первокурсников 2025 и 2026 годов показывает качественную эволюцию этого интереса. Если в 2025 году мы фиксировали прежде всего высокую мотивацию к изучению ESG-повестки, то в 2026 году она дополнилась уже сформированными поведенческими практиками и ценностными установками: 97,5% студентов считают социальную ответственность работодателя важнейшим критерием при выборе места практики и будущей работы, 65,9% отдают предпочтение вещам, подразумевающим многоразовое использование, 61% сортируют отходы, почти 88% — учитывают экологичность товара при принятии решения о покупке. Наиболее значимыми целями устойчивого развития ООН студенты считают обеспечение достойной работы и экономического роста (61%), качественного образования и создание глобального партнёрства (по 53,7%). Этот высокий уровень ценностной мотивации определяет приоритеты нашей образовательной политики: мы трансформируем искренний интерес и осознанную позицию студентов в прочные профессиональные компетенции через проектное обучение и наставничество представителей бизнес-среды».

Новый импульс принципам УР в вузах ***Мария Жукова*** из **РУДН** видит в том, что «при внедрении принципов устойчивого развития [мы] постарались учесть универсальные (17 ЦУР ООН) и национальные цели развития максимально, насколько это было возможно с учётом специфики деятельности российской организации высшего образования».

2. СМЕНА АКЦЕНТОВ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ПОВЕСТКИ

В целом позитивно оценивая вовлечённость высшей школы (как российской, так и зарубежной) в реализацию и продвижение принципов устойчивого развития, опрошенные нами представители отечественных вузов тем не менее отмечают, что в последние годы в повестке УР происходит определенная трансформация — приоритеты и акценты под влиянием глобальных экономических и социальных процессов смещаются. Следовательно, встает и вопрос о смещении, если так можно выразиться, «центра тяжести» в реализации повестки устойчивого развития.

По мнению ***Екатерины Безсмертной*** из **Финуниверситета**, «если раньше Европейский союз безоговорочно жертвовал текущими экономическими интересами ради климатических целей, то сегодня многие европейские страны переходят к жёсткому прагматизму из-за необходимости выживания промышленности и обеспечения национальной безопасности. 2025 год стал переломным моментом и для политики устойчивого развития в США — многие обязательства были отменены или смягчены под влиянием политического давления и экономической неопределённости. Более того, появился даже новый термин — ESG backlash (обратная реакция, направленная против ESG), означающий усиление критики инициатив в области устойчивого развития, в том числе — в части политизации, регуляторных перегибов, негативного воздействия на финансовые результаты компаний. Китай же, долгое время отставaвший от Запада в сфере раскрытия нефинансовой отчётности, сегодня стал новым локомотивом в продвижении ESG-повестки, ориентируясь на решение фундаментальных задач, среди которых: снижение критической зависимости от импорта нефти и катастрофического загрязнения воздуха в промышленных мегаполисах, превращение зелёных технологий в сектор экономического роста, перенос акцентов в целях самой повестки устойчивого развития — если Запад ориентируется главным образом на риски для частного инвестора, то Китай ставит во главу угла государственные стратегические цели».

Отмечая успехи Китая в деле продвижения отдельных аспектов устойчивого развития, ***Елена Лиманова*** (**НГУ**) отчасти объясняет это «эффектом низкой базы», но призывает также и видеть «следствие активной роли государства — того, насколько сильно государство вмешивается в экономику и определяет направления её развития. Низкоуглеродное развитие — при всей своей необходимости — серьёзно затрагивает интересы многих экономических субъектов (да вообще всего общества!) и фактически означает жертвование обществом части текущего благосостояния в обмен на вероятное снижение критических рисков в будущем. Достижение консенсуса разных игроков в демократической дискуссии здесь — непростая задача, особенно в плане конкретных действий, даже если сами

идеи устойчивости принимаются и разделяются».

В целом соглашаясь с выводами о том, что происходит трансформация как содержания, так — отчасти — и лидерства в реализации принципов устойчивого развития, ***Олег Буклемишев*** (**МГУ**) призывает не смешивать «ESG-повестку с углеродной. Углеродная или климатическая повестка, хотя и является флагманским проектом — и с точки зрения масштабов, и с точки зрения уже имеющихся или только обсуждаемых международных договоренностей, — тем не менее далеко не единственная составляющая в ESG-повестке, которая к тому же выступает проекцией устойчивого развития на отдельные юридические лица». К тому же, по его мнению, отмечая «перемещение вектора на Восток и Юг», не стоит делать вывод, что «этот вектор единственный и определяющий». При этом и само понятие Глобального Юга и Востока зачастую не учитывает, что «Китай и Индия — это две очень разные истории. Китай — централизованно управляемая автократия, в которой решающее слово остается за компартией, тогда как Индия — гораздо более размягчённая, полицентричная и менее развитая страна, и уже хотя бы поэтому повестка там иная, нежели в Китае. Ведь Индия решает на данной стадии, скорее, задачи общего развития: с точки зрения пирамиды Маслоу они просто не пришли ещё к тем ценностям, которые служат основой для устойчивого развития.

С другой стороны, несмотря на наличие у китайцев несомненных успехов, эти достижения есть результат централизованной политики, а не давления снизу. А ведь повестка устойчивого развития изначально транслировалась всё-таки снизу — от ценностей индивидуальных людей, которые становились ценностями организаций. И только потом через демократические институты это передалось на государственный уровень. В случае же с Китаем мы наблюдаем обратную картину. А это не придаёт устойчивости, необратимости достигнутым успехам — то, что навязывается государством, далеко не всегда переживает эпоху или смену политики этого государства». Резюмируя, ***Олег Буклемишев*** отмечает: «Описать нынешнюю реализацию повестки устойчивого развития, как мне представляется, в терминах типа “перенос центра тяжести” с акцентом на географию вряд ли возможно, дело обстоит сложнее».

Отчасти солидаризируясь с этим выводом, ректор **Чеченского государственного университета *Заурбек Саидов*** считает, что при осмыслении проблемы смены лидера и акцентов в продвижении принципов УР правильнее говорить «о перераспределении влияния внутри самой повестки устойчивого развития. Китай и Индия всё заметнее определяют масштабы внедрения технологий, спрос на оборудование, направления инвестиций и прикладных исследований. При этом европейские университеты и научные центры сохраняют сильные позиции в экологическом регулировании, разработке методик, стандартизации и оценке результатов. Поэтому говорить об утрате значения одной модели и полной замене её другой было бы преждевременно. Формируется более разнообразная система подходов, в которой национальные приоритеты приобретают больший вес… Наиболее существенное изменение связано с расширением предмета обсуждения. Наряду с декарбонизацией всё большее значение приобретают водная и продовольственная безопасность, деградация земель, сохранение плодородия, адаптация к климатическим рискам и финансирование необходимых преобразований. Для стран Центральной Азии, Ближнего Востока и ряда регионов Африки это вопросы устойчивости конкретных территорий. Снижение продуктивности земель отражается на

доходах сельских хозяйств, занятости, миграции и налоговом потенциале местной экономики. Отсюда и различие национальных приоритетов: единые принципы требуют решений, учитывающих природные условия и хозяйственную структуру».

А ***Жанна Беляева*** (**УРФУ**) предлагает увидеть в происходящей трансформации не просто коренизацию, подстройку под макрорегиональные, страновые или местные нужды принципов устойчивости, а включение этих принципов в идущие процессы суверенизации: «ESG-повестка в её западном варианте прошла через love and hate. За последние пару лет сформировались не только национальные требования, но и новые контуры реализации принципов устойчивого развития, в некотором роде они трансформируются в инструмент технологического суверенитета и глобальной прагматики. Это ключевое смещение акцентов… Перенос "центра тяжести" происходит не с Запада на Восток, а скорее в формировании ESG-суверенитета и наиболее ярко проявляется в замене ценностной парадигмы на прагматичное развитие партнёрств. В высшей школе это выражается в создании собственных национальных метрик и подготовке кадров, способных решать конкретные задачи региона и страны».

Стоит также обратить внимание, подчеркивает ***Мария Жукова*** из **РУДН**, что «сейчас наиболее ярко проявляется не тенденция смещения "центра тяжести" в реализации повестки устойчивого развития с Запада на Восток, а ослабление стран Европейского союза (по объективным причинам) с одновременным усилением стратегий и результатов в области устойчивого развития государств – участников СНГ, ЕАЭС, ШОС+ и БРИКС+ в целом и в той части, которая касается высшей школы. Присущая текущему периоду тенденция регионализации оказывает существенное влияние на достижения в области устойчивого развития в целом и деятельность вузов».

Как бы обобщая мнение коллег, ***Татьяна Шебзухова*** из **СКФУ** отмечает, что «сегодня… речь идёт не столько о полном смещении центра влияния с Запада на Восток, сколько о формировании более многополярной модели, в которой всё большую роль играют Китай, Индия и другие страны Глобального Юга. Наиболее заметно возрастающая роль стран Азии проявляется в масштабах инвестиций в новые энергетические технологии, в развитии промышленной инфраструктуры, цифровизации и активном внедрении научных разработок. Китай демонстрирует, насколько тесная связь университетской науки, государства и бизнеса позволяет ускорять технологические преобразования. Индия, в свою очередь, представляет интерес с точки зрения масштабирования цифровых решений и развития моделей инклюзивного роста».

Неизбежность перестройки ранее существовавшей системы приоритетов в обеспечении устойчивого развития отмечает и ***Михаил Иванов*** (**МГТУ им. Н. Э. Баумана**): «Главной причиной невозможности реализации западного сценария является не ограничение по срокам достижения результата, а технологические и природные пределы в достижении нейтральности и сверхвысокая инерционность экосистемы. Хорошо известен пример, что даже полное одномоментное прекращение любой хозяйственной деятельности на Земле приведёт к первым заметным изменениям в эмиссии парниковых газов (ПГ), измеряемым в приповерхностной температуре Земли, только через несколько десятилетий после прекращения. И период ковида явно это подтвердил. Таким образом, предупредить и более-менее существенно сократить изменение глобальной температуры мы не можем. Поэтому изначальная ориентация России и стран Глобального Юга не на митигацию, а на адаптацию была оправдана».

3. НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ

Как выше обозначенные изменения в содержании и драйверах продвижения повестки устойчивого развития отражаются на международной кооперации университетов на данном направлении в целом и участии российских вузов в ней — в частности? По мнению ***Екатерины Безсмертной*** из **Финуниверситета** при ответе на этот вопрос надо учитывать, что «в высшей школе этот сдвиг [из Америки и Европы на Юг и Восток] проявляется в трёх измерениях. Во-первых, меняется география партнёрств, всё более ориентированная на вузы БРИКС и СНГ. Во-вторых, формируется национальная инфраструктура оценки: примером служат первые рейтинги ответственности университетов, присвоенные агентством RAEX. В-третьих, происходит содержательная переориентация повестки на задачи технологического суверенитета, развития человеческого капитала и реализации национальных проектов».

Начнем с первого из обозначенных экспертом аспектов — с географии партнёрств. Здесь, и отрицать это бессмысленно, за последние пять лет для отечественных вузов изменилось многое. В наиболее острой форме об этих изменениях среди всех опрошенных нами респондентов высказался ***Олег Буклемишев*** (**МГУ**): «Ситуация на самом деле сложная и тяжёлая. Нас, российские университеты, по сути, заставляют сворачивать контакты с так называемыми недружественными университетами. Хотя распространять термин “недружественные”, который изначально возник в правительственных документах применительно к долговым отношениям, на другие сферы, в том числе на университеты, — это типичное натягивание совы на глобус. Где-то разрыв связей связан с тем, что мы не можем сейчас заключить ни одного соглашения с вузами недружественных стран. Но, к счастью, хотя бы пока не заставляют расторгнуть уже действующие контракты. Где-то эти отношения обрывает другая сторона, западная. А где-то, несмотря на спрос со стороны студентов, нам попросту трудно сдружиться с хорошими университетами из стран Глобального Юга и Востока — в том числе и из-за иногда встречающегося снобизма с их стороны, — ведь они смотрят на мировое образовательное и научное пространство сквозь глобальную призму, то есть ориентированы на университеты США и Европы. Честно говоря, со стороны ведущих вузов Глобального Юга я какой-то такой особенной тяги взаимодействовать с российскими коллегами не увидел».

Менее радикально, но также без оптимизма оценивает ныне существующую ситуацию с участием российских вузов в международной кооперации в деле продвижения устойчивого развития ***Елена Лиманова*** (**Новосибирский госуниверситет**): «Запад закрыт, Восток не сильно раскрывается». При этом эксперт уточняет, что любое сотруд-

ничество должно иметь фундамент в виде «способности вуза генерировать ответы на вызовы устойчивости для общества». Если такие ответы на вызовы есть, то формируется и база для внешнего сотрудничества. Таким образом, по мнению г-жи Лимановой, наилучшие шансы на участие в международном взаимодействии по повестке устойчивого развития имеют те вузы, которые могут предложить внешним партнёрам практические наработки: «С этой точки зрения такая категория университетов, как “университеты 3.0” (предпринимательские университеты) в большей степени кажутся готовыми к этому. В том числе и потому, что умеют “ломать межпредметные стены”, реализовывать междисциплинарные проекты, креативную атмосферу».

И — вспомним выше приведенные слова Екатерины Безсмертной о важности содержательной переориентация повестки на задачи технологического суверенитета — чем конкретнее, чем ближе к «земле» наработки вуза в сфере ESG, тем выше шансы обрести внешнего партнёра: «В логике устойчивого развития ключевым становится не просто внедрение инноваций, а их осмысленная адаптация к местным условиям… Акцент сместился на достижение технологического суверенитета и решение конкретных региональных задач. В логике устойчивого развития это означает не абстрактные декларации, а формирование реальных компетенций и создание востребованных продуктов» (***Элина Яковлева***, **ГГТУ**).

Логику «ты интересен другим лишь тогда, когда можешь им предложить что-то конкретное» разделяет и ***Михаил Иванов*** из **МГТУ им. Н. Э. Баумана**: «Надо разделять и конкретизировать понятие “устойчивое развитие в вузах”. Если это содействие устойчивому развитию и его развитие в целом, как в большинстве российских примеров, — это одно. Если это реализация проектов для собственного устойчивого развития — это другое. Ко вторым примерам можно отнести проект SESI от Стэнфорда, в рамках которого они заменили газовую когенерацию и паровую сеть электрической системой с рекуперацией тепла. Университет Цинхуа выступил инициатором Глобального альянса университетов по климату (GAUC). А к примерам первой группы, к которой относится и кейс МГТУ им. Н. Э. Баумана, — например, национальный университет Сингапура (NUS), построивший здания своего кампуса исходя из принципов адаптации к изменению климата».

4. ЧЕЙ ОПЫТ УР ВОСТРЕБОВАН ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВУЗАМИ

Таким образом, как считают наши респонденты, переориентация российских вузов с Запада на Восток и Юг в деле совместного осмысления и внедрения принципов УР возможна. Главное при этом делать упор на практическую базу такого взаимодействия.

С содержательной точки зрения этот разворот ***Жанна Беляева*** из **УРФУ** описывает так: «Вместо фокуса исключительно на социальных аспектах (таких как diversity), которые часто доминируют в западной трактовке, в России ESG рассматривается как технология реализации ответственных экономических изменений. Российская высшая школа действительно очень активно расширяет партнёрские сети в части реализации не только бизнес-стратегий, но и научно-образовательных партнёрств с университетами и бизнес-школами Индии и Китая. Наши исследования влияния технологических инноваций на устойчивое развитие в странах БРИКС+ демонстрируют эффективность импакт-инвестиций в Индии, ОАЭ, Китае, а также измеримые эффекты для экономики, а не декларативные заявления».

Юрий Альтудов (**КБГУ**) конкретизирует: «устойчивое развитие для российского университета — это… способность обеспечивать устойчивость территорий, то есть создавать технологии, готовить кадры, поддерживать здоровье населения, развивать промышленность и сельское хозяйство, сохранять природный и культурный потенциал региона. Поэтому я бы не противопоставлял западную и восточную модели слишком жёстко — у каждой есть сильные стороны. Но сегодня заметно, что страны Востока и Глобального Юга предлагают всё больше практических решений, где экологические цели соединяются с промышленным развитием, цифровизацией, продовольственной безопасностью и подготовкой человеческого капитала. …Поэтому наша задача — не просто адаптировать универсальные ESG-принципы, а переводить их в конкретные технологические и социально-экономические решения для Северного Кавказа».

Не отметать лучшие наработки западной науки и практики призывает и ***Екатерина Безсмертная*** (**Финуниверситет**): «Для нас представляет интерес… опыт прежде всего тех [стран], где институциональная база устойчивого развития формируется на государственном уровне, как это происходит в Китае. Вместе с тем мы не прекращаем изучать и западные модели развития, поскольку наука и образование по своей природе предполагают открытость к лучшим решениям независимо от их происхождения. Такой бенчмаркинг позволяет отбирать работающие практики и адаптировать их к национальной специфике».

Подходить к изучению международного опыта — а именно он и представляет наибольший интерес при выборе российскими вузами зарубежных партнёров —

следует комплексно, выделяя наиболее интересные решения как на уровне стран, так и на уровне конкретных университетов. Такой позиции придерживается ***Заурбек Саидов*** из **ЧГУ**: «Из зарубежного опыта я бы выделил несколько разных организационных моделей. В Университете Цинхуа работает Институт углеродной нейтральности, а междисциплинарная докторская программа объединяет вопросы энергетики, инженерных технологий, системного анализа, управления и углеродных финансов. Для нас интересен механизм подготовки исследователей, способных работать над единой задачей на стыке нескольких дисциплин. Он применим, например, при изучении восстановления экосистем, когда природные процессы, технологические решения и экономические последствия необходимо рассматривать совместно.

В Индийском технологическом институте в Мадрасе создана Школа устойчивого развития, которая объединяет преподавателей и исследователей разных подразделений, развивает междисциплинарные курсы и взаимодействие с промышленностью. Среди направлений в Школе есть подготовка специалистов и программы для работающих профессионалов. Для ЧГУ им. А. А. Кадырова представляет интерес возможность выстраивать обучение вокруг конкретных задач отраслей и дополнять университетские исследования короткими программами повышения квалификации для тех, кто непосредственно будет применять новые технологии.

У Национального университета Сингапура полезен подход к управлению самим кампусом. Университет публикует показатели энергопотребления и выбросов, устанавливает цели по снижению удельных затрат энергии и рассматривает лабораторные и учебные здания как объекты постоянного мониторинга. Для нас здесь важна возможность перейти к системному сопоставлению ресурсопотребления по корпусам, выявлению потерь и обоснованию инвестиций в энергоэффективность. Такой учёт одновременно может использоваться как образовательная практика для студентов экономических, экологических и инженерных направлений.

Близок к нашим интересам и опыт Университета Иордании, где действует Центр исследований воды, энергетики и окружающей среды, а задачи природопользования связаны с условиями засушливых территорий. С Самаркандским государственным университетом у нас уже есть совместные образовательные и исследовательские проекты. Поэтому при изучении зарубежного опыта я бы ставил вопрос о переносимости конкретных инструментов: протоколов полевых измерений, устройства междисциплинарных групп, моделей взаимодействия с производителями и форматов совместной подготовки магистрантов и аспирантов. Для регионального университета именно эти механизмы дают наибольшую практическую отдачу».

Подход чеченского коллеги близок и ***Юрию Альтудову*** из **Кабардино-Балкарского госуниверситета**: «Для КБГУ особенно интересен опыт университетов, которые рассматривают устойчивое развитие не только как внутреннюю повестку вуза — например, экологизацию кампуса, — но и как инструмент долгосрочного развития территории с учётом экологических, социальных, технологических и управленческих факторов ESG.

Для нас наиболее релевантны именно те международные модели, где университет становится частью системы решения территориальных задач: помогает формировать человеческий капитал, развивать технологии и новые отрасли, повышать качество жизни и одновременно учитывать экологические ограничения территории.

В этом смысле показателен опыт Университета Страны Басков, который создал вокруг себя экосистему трансформации региона — от кризисной индустриальной модели 1980-х годов к современной инновационной экономике, где наука, промышленность и власть выстроили устойчивое партнёрство. Сегодня университеты, исследовательские центры и региональные власти рассматривают развитие территории в долгосрочной перспективе, соединяя экономическую конкурентоспособность, социальное благополучие, инновации и качество среды. Университетская инфраструктура становится частью системы управления устойчивым развитием региона — через исследования, подготовку кадров, формирование стратегического видения и практическое взаимодействие с экономикой и государством.

Другой близкий нам пример — Чжэцзянский университет в Китае. Университет системно работает с территориями за пределами кампуса, помогая распространять технологии, готовить кадры, создавать исследовательскую и инновационную инфраструктуру и связывать науку, бизнес и органы власти. Один из наиболее показательных треков — участие университета в программах сельского возрождения: исследователи и студенты напрямую включаются в развитие конкретных уездов и сельских территорий, от агротехнологий и переработки до туризма и социальной инфраструктуры, что превращает университет в постоянного партнёра территориального развития, а не в разового эксперта. В результате университет участвует не только в создании знаний, но и в решении социальных, экономических и экологических задач конкретных территорий — то есть фактически становится инструментом устойчивого развития.

Интересен и опыт Khalifa University в ОАЭ, где университетские исследования непосредственно связаны с национальными задачами устойчивого технологического развития. Исследовательские центры работают над энергетическим переходом, водными технологиями, декарбонизацией и другими направлениями, а результаты исследований доводятся до практического применения совместно с государством и промышленностью. Здесь особенно хорошо видна связь между экологической составляющей ESG, технологическим развитием и экономической устойчивостью.

Мы, конечно, не рассматриваем эти модели как готовые рецепты. У каждого региона своя экономика, природные условия, человеческий капитал и система управления. Для нас важны сами принципы и механизмы, которые мы можем адаптировать к нашим условиям. В конечном счёте мы рассматриваем устойчивое развитие именно как способность региона одновременно развивать человеческий капитал и экономику, сохранять природный и социальный потенциал и создавать технологические решения для будущего».

Ориентироваться на наиболее сильные стороны зарубежных вузов, лидирующих в реализации принципов устойчивого развития, считает необходимым и ***Татьяна Шебзухова***, **СКФУ**: «[Для российских вузов прежде всего] заслуживает внимания китайский опыт интеграции университетской науки с промышленностью. В Китае взаимодействие университетов, предприятий и государства позволяет создавать условия для практического применения научных разработок — в энергетике, промышленности, цифровых технологиях и ресурсосбережении… Особенно интересны модели, при которых исследовательские проекты изначально ориентированы на конкретные технологические задачи и потребности предприятий. Такой подход соответствует нашему стремлению укреплять связь науки с реальным сектором

экономики, развивать ресурсосберегающие технологии и формировать предпосылки для экономики замкнутого цикла.

Второе направление — опыт европейских университетов в создании инклюзивной образовательной среды и интеграции принципов социальной ответственности в повседневную деятельность. В рамках взаимодействия с Римским университетом «Сапиенца» и Дрезденским техническим университетом для нас представляет интерес организация доступной инфраструктуры, сопровождение обучающихся с особыми образовательными потребностями и включение соответствующих принципов в образовательные и управленческие процессы.

Значимость этого опыта состоит в том, что инклюзивность должна обеспечиваться не отдельными мероприятиями, а системной организацией университетской среды — от проектирования зданий и цифровых сервисов до методик преподавания и механизмов поддержки студентов.

Третье направление — индийский опыт развития цифрового образования и образовательных инициатив, ориентированных на социальные потребности и развитие территорий. Для страны с большой численностью населения и значительными различиями в уровне социально-экономического развития отдельных регионов доступность образования является важнейшим условием устойчивого роста».

Таблица 1

Рейтинг-лист университетов по уровню ответственности в сфере устойчивого развития[2]

Объект рейтинга	ESG-рейтинг	Дата присвоения (подтверждения) рейтинга
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова	**BB**	09.11.2026
Северо-Кавказский федеральный университет	**BBB**	09.11.2026
Уральский федеральный университет	**A**	09.11.2026
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова	**BB**	09.11.2026
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	**AA**	23.10.2026
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы	**AA**	02.12.2025
Российский университет транспорта (МИИТ)	**BB**	02.12.2025
Университет МИСИС	**A**	02.12.2025

по данным на 9.11.2026
Источник: *RAEX*

[2] См.: *https://raex-rr.com/ESG/ESG_universities/ESG_universities/2026*

5. ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УР В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Значительная часть вопросов, которые мы задавали нашим респондентам в ходе нынешнего исследования, была направлена на выяснение конкретных примеров внедрения принципов УР в деятельность отечественных вузов. Во избежание неоправданного разбухания текста настоящей аналитической записки мы отсылаем наиболее пытливого читателя, интересующегося такими примерами, к разделу «Приложение», где приведены полные тексты интервью с нашими респондентами. Здесь же лишь обозначим лишь основные тенденции развития деятельности российских университетов в указанном направлении — в том числе и в связи с их участием в международной кооперации.

Прежде всего, отечественная высшая школа — и это стоит особо подчеркнуть — стремится сохранить практическую направленность своих усилий по внедрению УР-повестки: «Сегодня мы рассматриваем устойчивое развитие не как отдельное направление работы и не как набор формальных показателей, а как комплексный подход к решению долгосрочных задач. Для университета это прежде всего подготовка востребованных специалистов, создание технологий для реального сектора экономики, развитие социальной инфраструктуры и укрепление международного академического сотрудничества» (***Татьяна Шебзухова***, **СКФУ**).

На востребованности делает акцент и ***Елена Лиманова*** из **НГУ**: «Наиболее существенные проекты в области устойчивого развития в НГУ связаны с научными изысканиями по инициативе исследователей и по заказу компаний. Всё это реализуется в Климатическом центре НГУ. Таких заказов немного, т. е. пока спрос со стороны бизнеса не сформирован, однако уже есть примеры формирования “лояльных заказчиков” — компаний, которые повторно обращаются в университет за хоздоговорными работами. Такое подтверждение уровня экспертности наших специалистов радует».

Прикладной характер исследований, выход на их практическую реализацию — в приоритетах и Чеченского госуниверситета: «Для высшей школы такая ситуация означает изменение характера исследовательского заказа. Исследования, связанные, например, с восстановлением деградированных земель, невозможно ограничить почвоведением или экологическим мониторингом. Необходимы технологии восстановления, анализ хозяйственной нагрузки, экономическая оценка применения решений и понимание того, какие управленческие условия обеспечат их внедрение. Университетам приходится выстраивать исследовательские коллективы и образовательные программы на пересечении естественных, инженерных и общественных наук. Здесь возникают реальные возможности для российских университетов. Кавказ, Центральная Азия и Ближний Восток

сталкиваются с сопоставимыми проблемами землепользования и климатической адаптации, хотя исходные природные условия различаются. Совместные полевые исследования, сопоставимые методики наблюдений и обмен результатами позволяют проверять применимость решений на разных территориях. Такое сотрудничество особенно ценно, когда его результатом становятся общие массивы данных, подготовка исследователей и технологии, востребованные в практике» (***Заурбек Саидов***, **ЧГУ**).

Такую ориентированность на практический результат считает важным для перспектив внедрения повестки УР и ***Татьяна Шебзухова*** из **СКФУ**: «Университеты всё чаще рассматриваются не только как площадки для изучения принципов устойчивого развития, но и как непосредственные участники решения соответствующих задач: от подготовки инженеров для новых отраслей экономики до разработки технологий ресурсосбережения и адаптации территорий к климатическим изменениям».

При этом важно обеспечивать и максимально тесную увязку деятельности вуза с нуждами территорий присутствия. ***Юрий Альтудов*** (**КБГУ**) так развёртывает данный тезис: «Сегодня для нас устойчивое развитие — это уже не отдельное направление деятельности университета. Мы рассматриваем УР как один из инструментов выполнения нашей ключевой миссии — развития человеческого капитала, технологий и качества жизни в регионе… КБГУ — региональный университет, и специфика нашей ситуации заключается в том, что на территории республики нет большого количества крупных корпораций, которые могли бы выступать основными драйверами ESG-трансформации. Поэтому университету приходится самому формировать среду для развития таких практик… Мы выбрали стратегию реализации институциональ-ных проектов устойчивого развития, которые одновременно решают актуальные задачи региона и в перспективе способны создавать новые рынки. Это особенно важно: понимая заранее, какой будет экономика региона, какие технологии и компетенции ей потребуются, мы можем заблаговременно формировать соответствующие образовательные программы и исследовательские направления.

Мы стали активнее развивать проекты, связанные с человекоцентричностью: качеством городской и образовательной среды, здоровьесбережением, развитием человеческого капитала и повышением качества жизни на территории. Сегодня у нас два ключевых проекта такого рода — человекоцентричная модель развития Тырныауза и развитие курортного пространства Приэльбрусья. Для регионального университета это естественный приоритет: устойчивость территории в конечном счёте определяется не только экологическими показателями, но и тем, насколько комфортно и перспективно людям жить, учиться и работать в регионе. Одновременно мы стали глубже смотреть на региональные компоненты устойчивого развития. Для КБГУ это стало не только вопросом собственной ESG-ответственности, но и научной задачей. Мы исследуем возможность создания научно-технологической платформы управления развитием региона, которая позволяла бы комплексно оценивать экологические, социальные, технологические и управленческие факторы и на этой основе принимать более обоснованные решения… Таким образом, мы стремимся перейти от оценки устойчивости региона к созданию инструмента управления его развитием. Для нас это, пожалуй, и есть наиболее важный результат университетской работы в области устойчивого развития: не только реагировать на изменения, но и помогать региону заранее формировать образ и инструменты экономики будущего».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ ПРОЕКТА

«В повестке устойчивого развития на первый план выходят вопросы технологической, энергетической, продовольственной и социальной устойчивости, и именно здесь страны Азии — прежде всего Китай и Индия — демонстрируют способность переводить задачи из деклараций в масштабные программы развития»

Интервью с Юрием Альтудовым, и. о. ректора Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

? **В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?**

Центр тяжести повестки устойчивого развития постепенно смещается в сторону Востока и стран Глобального Юга — но, по существу, это не отказ от принципов устойчивого развития, а смена содержания самой повестки. На первый план выходят вопросы технологической, энергетической, продовольственной и социальной устойчивости,

и именно здесь страны Азии — прежде всего Китай и Индия — демонстрируют способность переводить задачи из деклараций в масштабные программы развития. Показателен Китай, где устойчивое развитие тесно связано с промышленной и технологической политикой: Институт углеродной нейтральности Университета Цинхуа объединяет исследования, подготовку кадров и взаимодействие с промышленностью для решения задач «двойного углерода». Похожую логику демонстрирует и Индия: национальная политика в области образования прямо ориентирует университеты на подготовку кадров для зелёной экономики, а ведущие технологические институты страны — например, IIT — развивают собственные исследовательские и внедренческие программы в области возобновляемой энергетики и ресурсосбережения кампусов. И в Китае, и в Индии показателен сам подход: университет — не только потребитель ресурсов, но и инфраструктура технологического и социального развития территории.

Для России этот опыт продуктивен, хотя у нас есть своя специфика: устойчивое развитие для российского университета — это не столько сокращение экологического следа кампуса, сколько способность обеспечивать устойчивость территорий, то есть создавать технологии, готовить кадры, поддерживать здоровье населения, развивать промышленность и сельское хозяйство, сохранять природный и культурный потенциал региона. Поэтому я бы не противопоставлял западную и восточную модели слишком жёстко — у каждой есть сильные стороны. Но сегодня заметно, что страны Востока и Глобального Юга предлагают всё больше практических решений, где экологические цели соединяются с промышленным развитием, цифровизацией, продовольственной безопасностью и подготовкой человеческого капитала.

Для Кабардино-Балкарского государственного университета этот опыт особенно интересен. Мы находимся в регионе, где устойчивое развитие невозможно отделить от состояния горных экосистем, сельского хозяйства, здравоохранения, туризма и качества человеческого капитала. Поэтому наша задача — не просто адаптировать универсальные ESG-принципы, а переводить их в конкретные технологические и социально-экономические решения для Северного Кавказа.

? Как изменения в содержании, в приоритетах/акцентах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

Изменение акцентов в повестке устойчивого развития в КБГУ прежде всего проявилось в усилении социальной составляющей ESG. Это соответствует общероссийскому тренду, но для нас особенно важно, что именно в этом направлении университет получил существенную поддержку Правительства Кабардино-Балкарской Республики.

Мы стали активнее развивать проекты, связанные с человекоцентричностью: качеством городской и образовательной среды, здоровьесбережением, развитием человеческого капитала и повышением качества жизни на территории. Сегодня у нас два ключевых проекта такого рода — человекоцентричная модель развития Тырныауза и развитие курортного пространства Приэльбрусья. Для регионального университета это естественный приоритет: устойчивость территории в конечном счёте определяется не только экологическими показателями, но и тем, насколько комфортно и перспективно людям жить, учиться и работать в регионе.

Одновременно мы стали глубже смотреть на региональные компоненты устойчивого развития. Для КБГУ это стало не только вопросом собственной ESG-ответственности, но и научной задачей. Мы исследуем возможность создания научно-технологической

платформы управления развитием региона, которая позволяла бы комплексно оценивать экологические, социальные, технологические и управленческие факторы и на этой основе принимать более обоснованные решения.

По сути, это и есть практическое воплощение той прагматичной модели устойчивого развития, о которой я говорил выше: сегодня для нас устойчивое развитие — это уже не отдельное направление деятельности университета. Мы рассматриваем УР как один из инструментов выполнения нашей ключевой миссии — развития человеческого капитала, технологий и качества жизни в регионе.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

КБГУ — региональный университет, и специфика нашей ситуации заключается в том, что на территории республики нет большого количества крупных корпораций, которые могли бы выступать основными драйверами ESG-трансформации. Поэтому университету приходится самому формировать среду для развития таких практик.

Мы выбрали стратегию реализации институциональных проектов устойчивого развития, которые одновременно решают актуальные задачи региона и в перспективе способны создавать новые рынки. Это особенно важно: понимая заранее, какой будет экономика региона, какие технологии и компетенции ей потребуются, мы можем заблаговременно формировать соответствующие образовательные программы и исследовательские направления.

Один из ключевых блоков таких проектов связан с человекоцентричным развитием территорий. Эти проекты поддержаны Правительством КБР; по отдельным направлениям мы обсуждаем взаимодействие с «Кавказ.РФ». Важная часть этой работы — развитие медицинского туризма совместно с ФМБА России как новой для региона отрасли, способной одновременно создавать экономический эффект и повышать качество жизни.

Есть у нас и серьезная экспертиза в экологической составляющей. В КБГУ создан Центр декарбонизации АПК и региональной экономики. Одним из наиболее интересных результатов его работы стало исследование углеродного обмена растений: ученые КБГУ показали, что корни растений способны непосредственно поглощать CO_2 из почвы. Результаты этого исследования опубликованы, в том числе в авторитетных зарубежных научных изданиях, что подтверждает международное признание значимости этой работы. Это открытие позволяет по-новому смотреть на углеродный цикл и потенциально на практики устойчивого сельского хозяйства.

На ближайшие два года мы ставим перед собой ещё более амбициозную задачу. Совместно с ЦЭМИ РАН мы работаем над научно-технологической платформой развития региона. Её основой станет разработанный нами ESTG-индекс, который позволяет оценивать территорию не только по экологическим и социальным параметрам, но и учитывать технологическую составляющую — наличие и потенциал проектов, способных сформировать экономику будущего.

Таким образом, мы стремимся перейти от оценки устойчивости региона к созданию инструмента управления его развитием. Для нас это, пожалуй, и есть наиболее важный результат университетской работы в области устойчивого развития: не только реагировать на изменения, но и помогать региону заранее формировать образ и инструменты экономики будущего.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Для КБГУ особенно интересен опыт университетов, которые рассматривают устойчивое развитие не только как внутреннюю повестку вуза — например, экологизацию кампуса, — но как инструмент долгосрочного развития территории с учётом экологических, социальных, технологических и управленческих факторов ESG.

Для нас наиболее релевантны именно те международные модели, где университет становится частью системы решения территориальных задач: помогает формировать человеческий капитал, развивать технологии и новые отрасли, повышать качество жизни и одновременно учитывать экологические ограничения территории.

В этом смысле показателен опыт университета Страны Басков, который создал вокруг себя экосистему трансформации региона — от кризисной индустриальной модели 1980-х годов к современной инновационной экономике, где наука, промышленность и власть выстроили устойчивое партнёрство. Сегодня университеты, исследовательские центры и региональные власти рассматривают развитие территории в долгосрочной перспективе, соединяя экономическую конкурентоспособность, социальное благополучие, инновации и качество среды. Университетская инфраструктура становится частью системы управления устойчивым развитием региона — через исследования, подготовку кадров, формирование стратегического видения и практическое взаимодействие с экономикой и государством.

Другой близкий нам пример — Чжэцзянский университет в Китае. Университет системно работает с территориями за пределами кампуса, помогая распространять технологии, готовить кадры, создавать исследовательскую и инновационную инфраструктуру и связывать науку, бизнес и органы власти. Один из наиболее показательных треков — участие университета в программах сельского возрождения: исследователи и студенты напрямую включаются в развитие конкретных уездов и сельских территорий, от агротехнологий и переработки до туризма и социальной инфраструктуры, что превращает университет в постоянного партнёра территориального развития, а не в разового эксперта. В результате университет участвует не только в создании знаний, но и в решении социальных, экономических и экологических задач конкретных территорий — то есть фактически становится инструментом устойчивого развития.

Интересен и опыт Khalifa University в ОАЭ, где университетские исследования непосредственно связаны с национальными задачами устойчивого технологического развития. Исследовательские центры работают над энергетическим переходом, водными технологиями, декарбонизацией и другими направлениями, а результаты исследований доводятся до практического применения совместно с государством и промышленностью. Здесь особенно хорошо видна связь между экологической составляющей ESG, технологическим развитием и экономической устойчивостью.

Мы, конечно, не рассматриваем эти модели как готовые рецепты. У каждого региона своя экономика, природные условия, человеческий капитал и система управления. Для нас важны сами принципы и механизмы, которые мы можем адаптировать к нашим условиям. В конечном счёте мы рассматриваем устойчивое развитие именно как способность региона одновременно развивать человеческий капитал и экономику, сохранять природный и социальный потенциал и создавать технологические решения для будущего.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

За этот период я бы отметил не столько количественный рост отдельных мероприятий, сколько изменение самой модели внешней активности университетов. Устойчивое развитие всё чаще выходит за рамки специализированных конференций и научных публикаций и становится частью международной коммуникации, образовательных программ, исследований и работы с обществом.

Особенно показателен в этом отношении Китай. Крупные университеты активно создают международные площадки по целям устойчивого развития, климату, декарбонизации и устойчивому развитию. При этом социальные сети вузов фактически превращаются в самостоятельные медиа, где количество подписчиков сопоставимо с населением отдельных государств. Университет теперь может не просто провести конференцию для нескольких сотен специалистов, но и напрямую донести идеи, результаты исследований и практические решения до миллионов людей.

Другая тенденция — интернационализация образовательной повестки: университеты объединяют студентов и исследователей разных стран вокруг практических задач устойчивого развития, создают совместные программы и международные исследовательские проекты.

Страновая специфика при этом сохраняется. В Европе сильнее выражена роль университетов как площадок общественного диалога и экспертного участия в региональной политике. В Китае заметно более тесное соединение образования, исследований, государственной повестки и массовой коммуникации. В странах Персидского залива акцент сделан прежде всего на технологических решениях — энергетике, воде и декарбонизации.

Для КБГУ важен общий тренд: внешняя активность университета становится частью его ответственности за развитие общества и территории. Поэтому мы также рассматриваем популяризацию устойчивого развития шире, чем конференции и публикации, — через образование, исследования, практические проекты и современные каналы коммуникации.

Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития:

- **студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.);**
- **организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия);**
- **совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.);**
- **совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами).**
- **Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?**
- **Изучается ли зарубежная нормативная база по УР (насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах — каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания)?**

Международное сотрудничество КБГУ в области устойчивого развития мы рассматриваем прежде всего как инструмент обмена знаниями и совместного поиска решений для конкретных региональных задач.

Доля иностранных студентов в КБГУ устойчиво растет и сегодня превышает 12,5% от общего контингента университета — это порядка 2,5 тыс. человек более чем из 50 стран мира. Только по программам приёма новых иностранных граждан мы ежегодно набираем порядка 770 человек. Основной поток и наиболее устойчивые партнёрские контакты связаны с Индией, Туркменистаном, странами Африки — Марокко, Тунисом, Египтом, а также Ближнего Востока — Сирией, Иорданией. Для иностранных студентов действует система адаптации, включающая Высшую школу международного образования, подготовительные курсы русского языка, тестирование и сопровождение в период обучения.

Важное направление — собственные международные мероприятия. Этой осенью состоится международная конференция GEO-SUSTAINABILITY BRICS 2026, которую КБГУ проводит совместно с Высокогорным геофизическим институтом. Она объединяет исследователей стран БРИКС и партнёрских государств вокруг вопросов климата, геофизики, биоразнообразия и рационального природопользования.

В том же ряду — Всероссийская научно-практическая конференция «Ноосфера и изменение климата Земли», которая пройдёт в октябре 2026 года на нашей научной базе в Приэльбрусье. Мы проводим её совместно с Отделением наук о Земле РАН и Высокогорным геофизическим институтом Росгидромета. Для нас принципиально важно, что подобные площадки собираются именно в горах, в непосредственной близости от объекта исследований, а не только в столичных научных центрах.

Совместные исследования с зарубежными партнёрами мы стремимся концентрировать вокруг тем, где КБГУ обладает собственной экспертизой: горные экосистемы, климатические изменения, природопользование, биотехнологии и устойчивое развитие региона.

Отдельное направление — изучение зарубежной нормативной базы по устойчивому развитию горных территорий. Для нас интересен опыт Альпийской конвенции, французского законодательства о горных территориях, а также швейцарской системы поддержки горных кантонов. Из стран СНГ интересен опыт Кыргызстана: после принятия специального закона о горных территориях страна перешла к комплексной программе их развития на 2023–2027 годы, где одновременно рассматриваются качество жизни населения, сохранение горных экосистем и климатическая устойчивость. Для КБГУ это интересный пример комплексного управления развитием горных территорий.

Мы не рассматриваем эти модели как готовые рецепты. Важнее понять механизмы, которые можно адаптировать к условиям Кабардино-Балкарии. Полученные знания используем при формировании собственных подходов к устойчивому развитию региона и разработке научно-технологических решений для горных территорий.

«Во внедрении устойчивого развития в российской высшей школе происходит содержательная переориентация повестки на задачи технологического суверенитета, развития человеческого капитала и реализации национальных проектов»

Интервью с Екатериной Безсмертной, деканом факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Очевидно, что серьёзными препятствиями для сохранения роли повестки устойчивого развития как ключевого общемирового тренда становятся всё более нестабильная геополитическая ситуация и существенные изменения в мировой политике. Европейский портфель устойчивых инициатив не только ожидаемо стабилизируется после нескольких

лет сверхбыстрого роста, но и остро реагирует на энергетический кризис и необходимость наращивания оборонного потенциала. Если раньше Европейский союз безоговорочно жертвовал текущими экономическими интересами ради климатических целей, то сегодня многие европейские страны переходят к жёсткому прагматизму из-за необходимости выживания промышленности и обеспечения национальной безопасности.

2025 год стал переломным моментом и для политики устойчивого развития в США — многие обязательства были отменены или смягчены под влиянием политического давления и экономической неопределённости. Более того, появился даже новый термин — ESG backlash (обратная реакция, направленная против ESG), означающий усиление критики инициатив в области устойчивого развития, в том числе — в части политизации, регуляторных перегибов, негативного воздействия на финансовые результаты компаний.

Китай же, долгое время отставший от Запада в сфере раскрытия нефинансовой отчётности, сегодня стал новым локомотивом в продвижении ESG-повестки, ориентируясь на решение фундаментальных задач, среди которых: снижение критической зависимости от импорта нефти и катастрофического загрязнения воздуха в промышленных мегаполисах, превращение зелёных технологий в сектор экономического роста, перенос акцентов в целях самой повестки устойчивого развития — если Запад ориентируется главным образом на риски для частного инвестора, то Китай ставит во главу угла государственные стратегические цели.

В высшей школе этот сдвиг проявляется в трёх измерениях. Во-первых, меняется география партнёрств, всё более ориентированная на вузы БРИКС и СНГ. Во-вторых, формируется национальная инфраструктура оценки: примером служат первые рейтинги ответственности университетов, присвоенные агентством RAEX. В-третьих, происходит содержательная переориентация повестки на задачи технологического суверенитета, развития человеческого капитала и реализации национальных проектов.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

Финансовый университет уже более 20 лет изучает практики корпоративной социальной ответственности, и актуальные изменения воспринимаются нами не как внешний вызов, а как основание для переосмысления накопленного опыта. Наш университет был одним из первых российских вузов, открывших программы высшего образования, ориентированные на подготовку специалистов в области устойчивого развития. На первом этапе это был отдельный образовательный профиль в бакалаврской программе «Корпоративные финансы». С учётом высокого интереса студентов в 2022 году содержание учебного плана было обновлено, разработаны дополнительные дисциплины и организован отдельный набор на программу двух квалификаций «Экономика корпорации, ESG и корпоративное право». Таким образом, ESG-компонент перестал быть факультативным модулем и стал ядром самостоятельной образовательной траектории.

Востребованность и престижность программы подтверждается итогами минувшей приёмной кампании. Если средний балл поступивших в 2024-м составлял 91,54, то в 2026-м — уже 95,44. Конкурс (по первому приоритету) на бюджетные места в 2026 году составил 11,1, на платные — 2,7 человека на место. Отчасти это свидетельствует о том, что ESG-повестка перестала быть нишевой и сфокусировала на себе поток мотивированных абитуриентов, которые выбирают этот трек осознанно.

По результатам ежегодного опроса, почти 60% первокурсников, поступивших на эту программу, назвали определяющим фактором своего выбора актуальность ESG в бизнес-структурах. Сравнение данных мониторинга первокурсников 2025 и 2026 годов показывает качественную эволюцию этого интереса. Если в 2025 году мы фиксировали прежде всего высокую мотивацию к изучению ESG-повестки, то в 2026 году она дополнилась уже сформированными поведенческими практиками и ценностными установками: 97,5% студентов считают социальную ответственность работодателя важнейшим критерием при выборе места практики и будущей работы, 65,9% отдают предпочтение вещам, подразумевающим многоразовое использование, 61% сортируют отходы, почти 88% — учитывают экологичность товара при принятии решения о покупке. Наиболее значимыми целями устойчивого развития ООН студенты считают обеспечение достойной работы и экономического роста (61%), качественного образования и создание глобального партнёрства (по 53,7%). Этот высокий уровень ценностной мотивации определяет приоритеты нашей образовательной политики: мы трансформируем искренний интерес и осознанную позицию студентов в прочные профессиональные компетенции через проектное обучение и наставничество представителей бизнес-среды.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

Мы стараемся преодолеть фрагментацию в обучении, при которой проблематика устойчивого развития дробится на разрозненные курсы без сквозной логики, через выстраивание своеобразной экосистемы, в которой основная образовательная программа, студенческая проектная деятельность, онлайн-обучение и дополнительное профессиональное образование образуют единый непрерывный контур в парадигме непрерывного образования (lifelong learning). Помимо основной программы бакалавриата, для студентов, ориентированных на исследовательскую и проектную работу, действует научно-образовательный кластер «Ответственный бизнес», объединяющий более ста участников. Широкая аудитория потенциальных слушателей получает доступ к специализированным онлайн-курсам по тематике устойчивого развития. Для представителей государственных ведомств и бизнеса реализуются программы повышения квалификации в логике микроквалификаций, позволяющих оперативно обновлять компетенции.

Параллельно в реализуемые дисциплины по менеджменту и экономике мы постепенно добавляем тематические блоки, посвящённые корпоративным демографическим политикам и оценке деловой репутации хозяйствующих субъектов. Это позволяет формировать у выпускников гибридные кросс-функциональные компетенции на стыке экономики, управления и социальной политики.

Отдельным направлением является участие наших экспертов в продвижении ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса. Финансовый университет совместно с НИУ ВШЭ, ГУУ и РЭУ имени Г. В. Плеханова выступает экспертным центром верификации данных на втором этапе рейтинга, предполагающем анкетирование компаний. На наших экспертов возложена функция верификации анкет, заполнение которых даёт возможность ответственным компаниям, инициирующим экологические и благотворительные проекты, оказывающим социальную поддержку своим работникам, поддерживающим развитие регионов присутствия, получить дополнительные баллы, которые впоследствии трансформируются в меры государственной поддержки.

В ближайшее время планируется масштабирование этого направления. На базе факультета экономики и бизнеса планируется запуск программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для регионального бизнеса и региональных органов власти. Конечная цель состоит в подготовке для реального сектора экономики специалистов-практиков, способных оценивать и повышать ESG-зрелость отечественных компаний.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Для нас представляет интерес как российский опыт, так и опыт дружественных зарубежных стран, прежде всего тех, где институциональная база устойчивого развития формируется на государственном уровне, как это происходит в Китае. Вместе с тем мы не прекращаем изучать и западные модели развития, поскольку наука и образование по своей природе предполагают открытость к лучшим решениям независимо от их происхождения. Такой бенчмаркинг позволяет отбирать работающие практики и адаптировать их к национальной специфике.

Из российских научных школ отмечу Высшую школу менеджмента СПбГУ, для которой характерна глубокая интеграция ESG-принципов в классический менеджмент и ориентация на подготовку лидеров, способных управлять изменениями с учётом экологических и социальных факторов. Заслуживает внимания и опыт МГИМО: системная работа, включающая как реализацию специализированных образовательных программ, так и научную и экспертную деятельность, ведётся Институтом международной торговли и устойчивого развития, созданным в августе 2022 года. Уникальным является опыт Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова, выступающего ключевым оператором масштабного карбонового полигона, охватывающего сразу несколько природных зон и позволяющего учёным проводить масштабные экологические исследования. Новые перспективы открывает выход этого проекта на международный уровень: в 2026 г. ЧГУ подписал соглашения с Самаркандским государственным университетом и Университетом Иордании о создании зеркальных карбоновых полигонов.

Наша задача как вуза, готовящего кадры для экономики России, состоит в том, чтобы формировать у студентов понимание того, что инициативы в области устойчивого развития представляют собой в первую очередь не статью затрат, а являются фактором роста стоимости компании и её инвестиционной привлекательности.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

Одним из наиболее объективных международных измерителей в этой сфере служит рейтинг Times Higher Education (THE), оценивающий вклад университетов в достижение Целей устойчивого развития. Динамика здесь показательна: если в 2021 году в рейтинге участвовало 1 115 вузов, то к 2025 году их число выросло до рекордных 2 526 университетов из 130 стран, причём азиатские вузы впервые составили более 50% участников глобального списка. В 2026 году рейтинг был официально трансформирован в Sustainability Impact Ratings с переходом на членскую модель участия, и в нём уже ранжировано 1 646 вузов из 116 стран, большинство из которых также представляют азиатский регион. Это наглядно иллюстрирует смещение центра компетенций в области устойчивого развития в сторону Глобального Юга и Востока.

Если говорить о российских университетах, то за последние пять лет мы наблюдаем качественный рост событийной и исследовательской активности. Научные мероприятия, связанные с вопросами устойчивого развития, привлекают огромное число участников — как представителей академического сообщества, так и практикующих специалистов, ширится тематическая палитра таких мероприятий. Повестка последовательно эволюционировала: от проведения отдельных секций по ESG-инвестированию и зелёной экономике в начале 2020-х мы перешли к обсуждению более широкого и ёмкого перечня вопросов: правового обеспечения устойчивого развития, ответственного транспортно-логистического бизнеса, корпоративных демографических политик и т. д. Изучение проблем устойчивого развития перестаёт быть тематикой кабинетных исследований и переходит в конкретную практическую плоскость.

Отдельно отмечу важный тренд в научно-исследовательской сфере: за последние два года мы фиксируем устойчивый рост числа совместных публикаций наших преподавателей и аспирантов с иностранными коллегами, прежде всего из Китая и Беларуси. Это реальная интеграция исследовательских команд, агрегирование баз знаний, обмен методологиями. Если раньше такие публикации были единичными, то сегодня они становятся системной практикой, особенно по тематике адаптации ESG-принципов в условиях экономических ограничений и «зелёного» финансирования в ЕАЭС.

Образовательный и событийный ландшафт российских вузов за последние пять лет претерпел заметную трансформацию: от декларативных форматов и ориентации на западные рейтинги мы перешли к прикладным, практико-ориентированным форматам сотрудничества, а внешняя активность переориентировалась с европейских площадок на евразийские и азиатские.

?

Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития:

- **студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.);**
- **организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия);**
- **совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.);**
- **совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами).**
- **Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?**
- **Изучается ли зарубежная нормативная база по УР (насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах — каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания)?**

В части студенческих обменов и академической мобильности университет ориентируется на страны БРИКС+ и СНГ, прежде всего на Китай, Вьетнам, Беларусь, Индию. География и численность обменов стабильно растут, формируя устойчивые академические связи с профильными кафедрами зарубежных партнёров.

Помимо проводимых на системной основе научно-практических форумов, реализации образовательных программ, ориентированных на тематику устойчивого развития, которые уже упоминались, должна отметить и новые форматы деятельности. Ряд образовательных программ факультета экономики и бизнеса — «Логистика», «Корпоративные финансы» и «Экономика корпорации, ESG и корпоративное право» — реализуются как совместные образовательные программы: студенты проходят обучение на втором и третьем курсах в Китае, в частности в Даляньском университете информатики Neusoft. Университет-партнёр был основан одной из ведущих китайских ИТ-компаний, привлекает к образовательному процессу специалистов корпорации и уделяет особое внимание использованию новых технологий и искусственного интеллекта при решении корпоративных финансовых задач. Такой формат встроенной академической мобильности позволяет сочетать российскую методологию с практико-ориентированными компетенциями партнёра.

В области совместных исследований приоритет отдан вопросам адаптации ESG-принципов в условиях экономических ограничений и механизмам зелёного финансирования в ЕАЭС. Публикационная активность ППС и аспирантов в рецензируемых журналах стран-партнёров стабильно растёт, а результаты исследований активно используются в учебном процессе.

Языковая и культурная довузовская подготовка иностранных студентов осуществляется на подготовительном факультете Финансового университета. Благодаря качественной подготовке студенты, окончившие подфак, при поступлении на первый курс основной образовательной программы уже с первого дня обучения активно включаются в учебный процесс, обладая необходимым языковым уровнем. Во многом такая быстрая адаптация становится возможной не только благодаря качественной языковой подготовке, но и вследствие активного погружения студентов-иностранцев в кросс-культурную среду, а также ввиду особого внимания к ним со стороны структурных подразделений, ответственных за воспитательную работу. Так, например, команда подфака наравне с командами других факультетов принимает участие в традиционных массовых спортивных и культурных мероприятиях: «Дебют первокурсника», спартакиада, «Гонка несгибаемых» и т. д., а студенты Финансового университета, обучающиеся на направлении «туризм», разработали для студентов-иностранцев программу тематических экскурсий по Москве — совместные познавательные прогулки не только погружают ребят-иностранцев в языковую среду и знакомят с московскими достопримечательностями, но и способствуют укреплению командного духа, усилению дружеских взаимосвязей.

В Финуниверситете реализуется программа под названием Buddy System — это инициатива по адаптации иностранных студентов. За каждым новичком закрепляют наставника из числа российских студентов или аспирантов, который помогает своему подопечному с бытовыми вопросами, социокультурной адаптацией, сопровождает его в первые недели: например, помогает с размещением, объясняет правила вуза, помогает разобраться в учебных и организационных моментах.

Преподаватели и исследователи университета отслеживают развитие нормативной базы в области зелёных финансов и корпоративного управления в России и за рубежом. Эти знания не только аккумулируются в форме научных исследований, но и транслируются в учебные курсы и позволяют выпускникам выстраивать диалог с международными партнёрами с учётом их национальных регуляторных требований.

«Устойчивое развитие должно работать на национальные цели и благополучие человека, а не быть самоцелью»

Интервью с Жанной Беляевой, председателем рабочей группы «Комитет по устойчивому развитию» Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Действительно, ESG-повестка в её западном варианте прошла через «love and hate». За последние пару лет сформировались не только национальные требования, но и новые контуры реализации принципов устойчивого развития, в некотором роде они трансформируются в инструмент технологического суверенитета и глобальной прагматики. Это ключевое смещение акцентов.

Вместо фокуса исключительно на социальных аспектах (таких как diversity), которые часто доминируют в западной трактовке, в России ESG рассматривается как технология реализации ответственных экономических изменений. Российская высшая школа действительно очень активно расширяет партнёрские сети в части реализации не только бизнес-стратегий, но и научно-образовательных партнёрств с университетами и бизнес-школами Индии и Китая. Наши исследования влияния технологических инноваций на устойчивое развитие в странах БРИКС+ демонстрируют эффективность импакт-инвестиций в Индии, ОАЭ, Китае, а также измеримые эффекты для экономики, а не декларативные заявления.

Это подтверждает тезис о том, что глобальный Юг (в данном контексте — страны БРИКС и Россия как их часть) предлагает более утилитарный подход: устойчивое развитие должно работать на национальные цели и благополучие человека, а не быть самоцелью. Что касается высшей школы, здесь перенос «центра тяжести» проявляется наиболее ярко в ***методологии оценки и целеполагании***.

Сложно утверждать, что происходит смена ориентиров в рейтингах, это необходимо для сверки часов и понимания общей ситуации на рынке высшего образования и развития компетенций выпускников. Для этого необходимо участвовать в международных рейтингах, таких как QS Sustainability, при этом в России появляются и ***национальные ESG-рейтинги вузов***. Нам приятно, что в дебютном ESG-рейтинге университетов RAEX УрФУ получил высокую оценку. В 2006 УрФУ впервые принял участие в азиатском рейтинге зелёных университетов GREENMETRICS, сразу получив статус лучшего университета среди новых участников и заняв достойное место в топе. Таким образом, рейтинговые агентства теперь служат ***катализаторами трансформации***, создавая методологическую основу для ***сравнимой оценки***, сохраняя уникальность каждого университета. Это прямая замена западной гегемонии в оценке на собственную разнообразную нормативную базу.

Устойчивое развитие в УрФУ — это моделирование системного подхода, интегрированного во все структурные звенья.

Перенос «центра тяжести» происходит не с Запада на Восток, а скорее в формировании ESG-суверенитета и наиболее ярко проявляется в замене ценностной парадигмы на прагматичное развитие партнёрств. В высшей школе это выражается в создании собственных национальных метрик и подготовке кадров, способных решать конкретные задачи региона и страны. А некоторые партнёрства касаются конкретной темы ввода необходимых компетенций для внедрения принципов устойчивого развития в конкретные бизнес-стратегии, а не только как пример для совершенствования этичного поведения и развития абстрактного гражданского общества. За последний год количество сетевых программ с Индией и Китаем значительно выросло, часть исследовательской повестки касается декарбонизации и внедрения цифровых новелл в образование. Так, в октябре я участвовала в конференции ответственных бизнес-школ в Индии, в сентябре мы обсуждали метрики устойчивого развития на собрании евразийской палаты PRME, объединяющей бизнес-школы Евразии, мы реализуем сетевые программы и нашу традиционную осеннюю школу по устойчивому развитию с большим количеством участников из азиатских стран. В ноябре мы ожидаем большую делегацию из Индии и Китая на нашей 21-й ежегодной конференции «Российские регионы в фокусе перемен», где обсудим вопрос «twin transition-внедрения цифровых технологий и принципов устойчивого развития» в бизнес-образовании.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

В УрФУ активно реализуется программа проектных практикумов, когда студенты каждый семестр работают по конкретной задаче реального сектора экономики. Мы ввели категорию ESG-проектов для мониторинга такого рода проектов по заказу реального сектора промышленности для оценки востребованности — за последний год более 200 паспортов ESG-проектов и 545 социальных проектов. Например, студенты Института экономики и управления УрФУ представили «ESG-навигатор для регионов России» в региональном управлении Росстата — цифровой инструмент оценки региональной устойчивости на основе официальной статистики, включающий интерактивный дашборд и ESG-карту регионов. Эксперты Росстата отметили, что это «полнофункциональный цифровой продукт», а не просто концептуальная модель, и проект будет продолжен в Лаборатории устойчивого развития и цифровой ESG-трансформации бизнеса. Ранее УрФУ также разработал ESG-трекер на основе AI-модели для определения фокуса стратегии устойчивого развития и оценки рисков гринвошинга в сотрудничестве с корпоративными партнёрами — СКБ «Контур» и УК ОЭЗ «Титановая долина».

Растёт число ассоциированных мероприятий по системному внедрению принципов устойчивого развития, оценке эффектов для развития территорий. Такого рода мероприятия активно реализуются с активом предприятий Свердловской области как техническими факультетами, так и социально-экономическим блоком университета.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

УрФУ в области устойчивого развития в настоящее время реализует ключевые проекты и задачи, сосредоточенные на ***зелёной инфраструктуре нового кампуса, образовании и международном сотрудничестве в области ESG, практических исследовательских инструментах***, планируя в ближайшие год-два укрепить международное лидерство через проведение крупных мероприятий и продолжение цифровой ESG-трансформации.

Новый кампус УрФУ является крупнейшим университетским кампусом России, общая площадь которого вместе с наследием составляет 365,73 тыс. кв. м, включая 5 общежитий на 6 500 студентов. в декабре 2025 года завершено строительство и открыты три учебных корпуса — Института экономики и управления, Института радиоэлектроники и информационных технологий и лицея (СУНЦ). Кампус спроектирован по принципу «сот» со световыми атриумами, коворкингами и высокотехнологичными лабораториями, эксплуатация начинается с осени 2026 года.

В области устойчивого развития уже реализованы конкретные экологические действия: в сентябре 2026 года участники Международного фестиваля молодёжи совместно с ДОБРО.РФ и АНО «Экосистема» высадили еловую аллею из 25 деревьев, учёт развития сада и динамику углеродного следа кампуса будет курировать междисциплинарная студенческая команда, фиксируя состояние высаженных российскими и иностранными молодыми лидерами саженцев, а расширение сада и развитие экологической повестки будет включать вовлечение в ценностные установки и выпускников, и партнёров УрФУ. Мероприятие проведено под патронажем

Ботанического сада УрФУ, в котором собраны сотни краснокнижных видов растений.

В рамках фестиваля дан старт экологизации кампуса, работают станции раздельного сбора отходов. В ходе осенней школы 2025 года международные студенческие команды в рамках хакатона разработали ESG-концепцию кампуса, предложив «умные» системы энергосбережения, цифровые платформы карьерного развития и проекты вовлечения местного сообщества. Методологические практики ESG-трекинга УрФУ уже предложены партнёрам стран БРИКС и Евразийской палате ответственных бизнес-школ PRME, что предполагает продолжение распространения экспертизы на международном уровне.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Мы активно знакомимся с практиками китайских и индийских университетов по внедрению принципов устойчивого развития в инфраструктуру кампусов, мы внимательно изучаем опыт управления зелёными кампусами, а также внедрения принципов ESG в отдельные модули по направлениям обучения — такой опыт близок нам по разработке разных программ.

? Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития:

- **Студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.)?**

Мы стремимся сделать так, чтобы управленческое образование выходило за рамки институционального совершенства и вносило значимый вклад в решение реальных задач. Растёт количество студентов, участвующих в программах исходящей и входящей мобильности, которые организованы с Китаем, Индией, а также странами Латинской Америки. Второй год УрФУ принимает более 400 студентов из 20+ стран в рамках Летнего университета, где есть англоязычные и русскоязычные треки; трек по устойчивому развитию на русском языке и ESG-трек на английском языке традиционно пользуются повышенной популярностью, как и ИТ. Информационные технологии и искусственный интеллект (современные ИТ-решения, анализ данных и ИИ); экономика и менеджмент (подготовка цифровых решений управления ESG-стратегиями, в частности, от Института экономики и управления УрФУ); ядерные технологии (в партнёрстве с госкорпорацией «Росатом» и Обнинским институтом атомной энергетики НИЯУ МИФИ); социально-гуманитарные дисциплины (устойчивое развитие в дипломатии); юриспруденция (правовое сопровождение высокотехнологичных отраслей экономики).

> • **Организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия)?**

В 2025-м зафиксировано 180 визитов иностранных делегаций в УрФУ, в соответствии с отчётом проректора по международному сотрудничеству С. Тушина сотрудники УрФУ приняли участие в 50+ крупных международных мероприятиях. В настоящее время у нас функционирует 6 иноязычных версий сайта УрФУ (англ., китайск., испанск., португ., арабск., франц.) и 9 иноязычных соцсетей УрФУ (англ., китайск.). УрФУ активно представлен в 30+ международных образовательных выставках.

> • **Совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.)?**

В целом за прошедший год количество стран-партнёров по программам повышения квалификации выросло до 33. Мы активно расширяем спектр программ дополнительного образования с партнёрами из Азии, это летние и осенние школы, короткие программы как в России, так и за рубежом — несколько таких программ для наших корпоративных партнеров состоялось в сотрудничестве с китайскими университетами.

> • **Совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами)?**

Уральский федеральный университет (УрФУ) реализует проекты и предоставляет гранты в области устойчивого развития и зелёной энергетики в рамках программы «Приоритет-2030», партнёрских фондов (включая РНФ) и корпоративных инициатив. Проводятся научные работы по заказу и при поддержке РНФ и вуза, например проекты по исследованию устойчивого развития регионов в условиях перехода к зелёной энергетике, благополучия человека в условиях цифровой трансформации. В рамках стратегических проектов («Приоритет-2030») регулярно проводятся конкурсы совместных НИОКР с институтами УрО РАН, а также адресные гранты на исследования в сфере водородной энергетики и новых материалов. Профильные институты (в частности, Уральский энергетический институт — УралЭИн) участвуют в корпоративных конкурсах от крупных индустриальных партнёров, таких как концерн «Росэнергоатом». При анализе публикаций конференций Института экономики и управления выяснилось, что вопросам устойчивого развития посвящено значительное и растущее количество научных исследований молодых учёных и аспирантов. Реализуется ряд проектов РНФ по концептуальным и прикладным аспектам управления ESG-факторами БРИКС+.

- **Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?**

В университете действует подготовительное отделение УрФУ, подфак — это первый шаг к успешному поступлению, где реализуется не только качественная подготовка по русскому языку, но и культурная адаптация для иностранных абитуриентов. *Подфак* ***УрФУ объединяет более 600 иностранных студентов из разных уголков мира, предоставляя им уникальные возможности для изучения русского языка и погружения в русскую культуру в Екатеринбурге. В целом в УрФУ обучается*** 5 282 иностранных студентов, но большее число участвует в коротких программах повышения квалификации, летних и осенних и зимних школах. ***В настоящее время действует целый ряд сетевых программ в Китае***.

В 2025-м китайские выпускники Китайско-Российского института Уральского федерального университета получили дипломы магистратуры и бакалавриата по направлениям архитектуры, гражданского строительства, геодезии, туристического менеджмента, управления финансами, технологий программного обеспечения и др. КРИ реализует 13 программ магистратуры и бакалавриата, на которых обучаются свыше 1 200 студентов. Партнёры института: Северо-Китайский университет водных ресурсов и гидроэнергетики, Хайнаньский институт экономики и бизнеса, Хэнаньский университет науки и техники, Университет Гуйчжоу, Гуанчжоуский институт технологий и бизнеса, Хэнаньский университет экономики и права.

- **Расскажите об изучении зарубежной нормативной базы по УР (насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах — каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания).**

У УрФУ создан Комитет по устойчивому развитию, одной из функций Комитета по устойчивому развитию УрФУ является мониторинг нормативно-правовой базы, результаты включаются в программы повышения квалификации, в частности в рамках повышения квалификации молодых преподавателей Корпоративной академии УрФУ, а также при разработке программ повышения квалификации. Учёные Университета приглашаются экспертами в общественную палату.

Участие Молодёжного совета — председателем является студентка УрФУ — при Уполномоченном в деятельности Общественной палаты Свердловской области открывает дополнительные возможности для актуализации существующих программ, направленных на поддержку семей и детей. Гражданская экспертиза и свежий взгляд на проблемы в этой сфере позволят рабочей группе более эффективно разрабатывать рекомендации по их преодолению и предлагать решения, отвечающие современным вызовам.

В целом за последние пять лет (примерно 2021–2026 гг.) наблюдается рост внешних проявлений активности университетов в области устойчивого развития. Это выражается в нескольких ключевых трендах:

• Количество международных конференций, форумов и панельных дискуссий, посвящённых Целям устойчивого развития (ЦУР), выросло кратно. Если в 2019–2020 гг. такие мероприятия часто носили нишевый характер, то к 2025–2026 гг. они становятся центральными элементами стратегических сессий вузов. Буквально только что

прошла встреча партнёрских бизнес-школ в Индии, где я представляла ИнЭУ УрФУ, — в обсуждении вопрос генеративного ИИ и человеческого потенциала напрямую увязывается с устойчивым развитием.

- Наблюдается значительный рост публикационной и грантовой активности по тематике ESG, устойчивого развития и ответственного использования технологий. Университеты создают специализированные центры и кафедры (например, кафедра ЮНЕСКО по устойчивому развитию в УрФУ, Лаборатория устойчивого развития и цифровой ESG-трансформации бизнеса ИнЭУ), что стимулирует внешнюю видимость.
- Растёт число совместных магистерских и PhD-программ, ориентированных на устойчивое развитие и ESG. Вузы активно используют международные аккредитации как инструмент легитимации своих усилий в этой сфере. Количество российских вузов в международных рейтингах зелёных университетов также растёт; так, УрФУ с 2026 года стал лучшим новым участником рейтинга GREENOMETRICS, реализуемого Индонезией и включающего более 2 000 университетов из 110+ стран мира.

Страновая специфика существует и проявляется в нескольких плоскостях: европейские вузы (особенно в Скандинавии, Германии, Великобритании) исторически более активны в экологической повестке и интеграции ЦУР в учебные планы. Азиатские вузы (Индия, Китай, Малайзия) демонстрируют быстрый рост, часто фокусируясь на технологических решениях (ИИ для устойчивости) и социальной инклюзии. Российские вузы, несмотря на геополитические ограничения, сохраняют активность через участие в БРИКС-инициативах и двусторонние программы. Мы провели блок научных исследований на эффекты интеграции принципов устойчивого развития в разных странах. Бизнес-школы с международной аккредитацией более системно интегрируют ESG в стратегию. Технические университеты (как УрФУ) чаще фокусируются на технологических аспектах устойчивости и ИИ, интегрируя ESG-стратегии через институт экономики и управления и гуманитарный институт. Одни вузы делают акцент на экологической устойчивости, другие — на социальной ответственности и этике ИИ, третьи — на экономических аспектах ESG.

Активность Уральского федерального университета (УрФУ) в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития возрастает, растёт эффективность в этой сфере.

УрФУ регулярно проводит пленарные сессии и дискуссии на стыке устойчивого развития, ИИ и трансформации бизнес-образования. Например, в 2024–2025 гг. состоялись пленарные заседания, посвящённые интеграции ИИ в бизнес-образование и ограничениям новых продуктов бизнес-школ.

Ведутся исследования по теме «ESG и потребительский выбор: опосредующая роль цифровых технологий», что показывает междисциплинарный подход — на стыке устойчивости, цифровизации и поведения потребителей.

УрФУ участвует в международных академических альянсах и поддерживает партнёрства с вузами разных стран, что позволяет обмениваться опытом и совместно продвигать повестку устойчивого развития.

За последние пять лет активность УрФУ в этой сфере выросла: от отдельных исследовательских инициатив к системной институционализации (комитет, пленарные сессии, совместные исследования). Однако геополитические ограничения последних лет несколько сузили возможности для традиционного западного сотрудничества, что компенсируется активизацией связей со странами БРИКС, Азии и Латинской Америки.

Динамика внешних проявлений активности вузов в повестке устойчивого развития за последние пять лет положительная и ускоряющаяся. Наблюдается

переход от декларативной приверженности ЦУР к конкретным действиям: созданию институциональных структур, проведению международных конференций, публикации исследований и запуску совместных программ. Страновая специфика сохраняется, но общий тренд — глобализация и интеграция повестки устойчивого развития в стратегию университетов. УрФУ в этом контексте демонстрирует устойчивую активность, адаптируясь к меняющимся геополитическим условиям и сохраняя приверженность международному сотрудничеству.

«Мы хотим сохранить нормальность. То есть стать на какое-то время башней из слоновой кости, которая продолжает сопротивляться, несмотря на то что за окнами происходит»

Интервью с Олегом Буклемишевым, заместителем декана экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

? Олег Витальевич, сейчас часто приходится слышать, что драйвером развития тематики ESG, без- и низкоуглеродной повестки всё больше выступают Глобальный Восток и Глобальный Юг — прежде всего Китай и Индия. Насколько вы с этим утверждением согласны?

Здесь несколько вещей смешаны. Во-первых, смешана ESG-повестка с углеродной. А углеродная или климатическая повестка, хотя и является флагманским проектом — и с точки зрения масштабов, и с точки зрения уже имеющихся или только обсуждаемых международных договоренностей, — тем не менее это далеко не единственная составляющая в ESG-повестке, которая к тому же выступает проекцией устойчивого развития на отдельные юридические лица.

Во-вторых, что касается перемещения вектора на Восток и Юг, я бы не сказал, что этот вектор единственный и определяющий.

И в-третьих, Китай и Индия — это две очень разные истории. Китай — централизованно управляемая автократия, в которой решающее слово остается за компартией, тогда как Индия — гораздо более размягчённая, полицентричная и менее развитая страна, и уже хотя бы поэтому повестка там иная, нежели в Китае. Ведь Индия решает на данной стадии, скорее, задачи общего развития: с точки зрения пирамиды Маслоу они просто не пришли ещё к тем ценностям, которые служат основой для устойчивого развития.

С другой стороны, несмотря на наличие у китайцев несомненных успехов, эти достижения есть результат централизованной политики, а не давления снизу. А ведь повестка устойчивого развития изначально транслировалась всё-таки снизу — от ценностей индивидуальных людей, которые становились ценностями организаций. И только потом через демократические институты это передалось на государственный уровень. В случае же с Китаем мы наблюдаем обратную картину. А это не придаёт устойчивости, необратимости достигнутым успехам — то, что навязывается государством, далеко не всегда переживает эпоху или смену политики этого государства.

Итожу: описать нынешнюю реализацию повестки устойчивого развития, как мне представляется, в терминах типа «перенос центра тяжести» с акцентом на географию вряд ли возможно, дело обстоит сложнее.

? Как упомянутая вами централизованность в продвижении ESG в Китае влияет на эффективность?

Смотря что вы понимаете под эффективностью. Экономисты видят её как соотношение затрат и результатов, а это прямо противоречит повестке ESG. Разве с указанной точки зрения эффективно строить пандусы для инвалидов? Конечно, нет. Потому что инвалид по этому пандусу проедет раз в месяц, а вы тратите значительные средства, которые, в общем-то, могли бы потратить на что-то ещё.

Но есть ценности, которые выше эффективности. И понимание этих ценностей заставляет вас забыть о коммерческих, связанных с деньгами обстоятельствах или соображениях такого простого счёта и заняться какими-то другими исчислениями.

Поэтому, возвращаясь к Китаю, их продвижение в сторону устойчивого развития, конечно, связано с определёнными реальными достижениями. Но я убеждён в том, что без каких-то значимых издержек и усилий навязать какие-то ценности человеку невозможно. Проводить определенную государственную политику — возможно, навязать ценности — нет. Поэтому правильно было бы сказать, что в Китае весьма успешно реализуется политика в области климатической повестки, по некоторым другим направлениям. Но говорить, что китайское государство преследует эти ценности, я бы не стал.

? Может быть, дело в том, что меняется не только направление внедрения ценностей устойчивого развития — не снизу, а сверху, через государство, властные структуры, — но и пересмотр самих этих ценностей? Ведь отказ или откат от некоторых составляющих происходит, например, в нынешних США, где по-иному, зачастую кардинально по-иному смотрят на иммиграционные процессы, на политику diversity. Получается, что вопрос о смене планетарного лидера во внедрении ESG-повестки связан ещё и с тем, что затухает импульс от первоначального драйвера?

Основным драйвером продвижения устойчивости развития изначально была Европа с её более левыми взглядами на мироустройство, а не Штаты. Да, сдвиг в сторону правой части политического спектра характерен сейчас и для некоторых стран Европы, а не только США. Однако — ещё раз подчеркну — драйвером политики в данном случае я бы считал настроение людей, а не наоборот. И здесь очень важны настроения нового поколения,

которому ценности устойчивого развития остаются близки. Стало быть, рано или поздно политики должны будут искать на это ответ.

Тут, опять же, очень часто путается повестка и, собственно, устойчивость развития. DEI действительно зашла очень далеко в левых устремлениях, в результате сейчас маятник качнулся обратно. Что же касается климатической повестки, то её не отрицают и многие правые силы — за исключением разве что самых крайних правых. Разумные же правые вбирают её в свои программы.

? Обобщу, что от вас услышал: в США наблюдается поправение, в ряде стран Европы тоже, а это противоречит принципам устойчивого развития. В Китае движение в сторону устойчивого развития реализуется не от сердца, а по приказу свыше и только в той части, в которой это возможно проконтролировать централизованно. Если мы всё это учтем, то как правильнее охарактеризовать нынешнюю ситуацию с ESG: кризис, откат, пауза или что-то другое?

Ещё раз: устойчивое развитие — это история, скорее, ценностная, опирающаяся на настроения людей и реализуемая через людей. А ESG — это история на уровне компаний, юридических лиц. Это два близких, но разных — в том числе и с точки зрения регулирования — процесса.

Давайте посмотрим, какие тренды в регулировании. Тут многое зависит от того, изменились ли инвесторы. Ведь компании, которые придерживаются зелёной повестки — выпускают ценные бумаги или специализированную отчетность, — ориентируются на специализированных инвесторов, которые никуда не делись. И это поддерживает повестку вне зависимости от государственного тренда.

Но есть и та часть движения в сторону устойчивого развития, которая зависит от госрегулирования. Но и здесь, на мой взгляд, история продолжается, она не остановилась, не ушла в принципиально другое фазовое состояние. Уйдёт администрация Трампа, придёт какая-то другая, которая, убеждён, вернёт часть отвергнутого. История развивается виражами, маятником — качанием из стороны в сторону.

? Вы упомянули про зелёные облигации и инвесторов. Есть ли по ним какие-то свежие цифры, которые позволяют оценить динамику за последние 2-3-4 года?

Я, честно говоря, не слишком хорошо знаком с этими цифрами — слежу за ними, что называется, краем глаза. И с этой позиции могу лишь сказать, что сильного отката за рубежом в этой сфере не наблюдается, принятые при Байдене акты в области климатической повестки никто не отменял. Да и разные страховые кейсы не дают исчезнуть вниманию к климатическим катастрофам: лос-анджелесские пожары или, например, европейская жара в нынешнем году.

В России объёмы зелёных финансов скукожились. Причина понятна: наши компании, которые этим занимались, в основном ориентировались на зарубежный спрос, которого сейчас нет — зарубежный инвестор попросту выпал из-за санкций.

Коль мы заговорили про регулирование, хочу вернуться к теме влияния Глобального Юга и Востока. Импульсы, исходящие из этих макрорегионов, способствуют или, наоборот, препятствуют развитию и зелёного инвестирования, и связанного с ним госрегулирования?

Рынок зелёных финансов — глобален. Но сейчас, соглашусь, на нём действительно более заметны усилия, скажем так, восточные. Там, где сейчас нет наших эмитентов зелёных бумаг, появляются азиатские эмитенты, которые занимают освобождённую нами нишу, предлагая свои ценные бумаги. В основе — непосредственный материальный интерес. Ведь, скажем, в Китае природоохранное законодательство ужесточается — компартия очень чутко в данном случае реагирует на ту повестку, которая шла снизу и была обусловлена тем, что в городах стало невозможно дышать. Так что в данном случае восточное доминирование вызвано тем, что они просто выходят на тот уровень регулирования, который позволяет им ликвидировать отставание от лучших мировых образцов.

Олег Витальевич, для высшей школы повестка устойчивого развития, принципы ESG сохраняют актуальность?

Для себя мы сформулировали это так: мы хотим сохранить нормальность. То есть стать на какое-то время башней из слоновой кости, которая продолжает сопротивляться, несмотря на то что за окнами происходит. Такое стремление исходит из нашей чувствительности к нуждам следующего поколения, с которыми университеты непосредственно работают. А у этого поколения ценности как раз близки к принципам устойчивого развития. Да и сами вузы волей-неволей работают в указанном направлении — начали задолго до того, как вся эта терминология и институционалка появились. Это и самоуправление (буква G): посмотрите на стремление сохранить традицию совместного решения вопросов, обсуждения чего-то важного профессорами и студентами, аспирантами в духе солидарности, сотрудничества, а не административной вертикали. Это и социальные вещи (буква S): вузы часто являются носителями социальных, то есть левых идей; вспомните французскую революцию 1968 года, зародившуюся в Сорбонне. И многочисленные исследования в области экологии, проводимые вузовскими исследователями (буква E). Так что эта повестка для университетов сохраняет актуальность.

Если судить по регулярности обновления и объёму информации, связанной с устойчивым развитием, на сайтах российских вузов, то ситуация представляется обратной — внимание к этой теме неуклонно падает. В том числе и в связи с разрывом разного рода связей с западными университетами. Появилось ли взаимодействие, хоть как-то компенсирующее этот разрыв взаимодействие с вузами БРИКС?

Нет, не появилось. Ситуация на самом деле сложная и тяжёлая. Нас, российские университеты, по сути, заставляют сворачивать контакты с так называемыми недружественными университетами. Хотя распространять термин «недружественные», который изначально возник в правительственных документах применительно

к долговым отношениям, на другие сферы, в том числе на университеты, — это типичное натягивание совы на глобус.

Где-то разрыв связей связан с тем, что мы не можем сейчас заключить ни одного соглашения с вузами недружественных стран. Но, к счастью, хотя бы пока не заставляют расторгнуть уже действующие контракты.

Где-то эти отношения обрывает другая сторона, западная. А где-то, несмотря на спрос со стороны студентов, нам попросту трудно сдружиться с хорошими университетами из стран Глобального Юга и Востока — в том числе и из-за иногда встречающегося снобизма с их стороны — ведь они смотрят на мировое образовательное и научное пространство сквозь глобальную призму, то есть ориентированы на университеты США и Европы. Честно говоря, со стороны ведущих вузов Глобального Юга я какой-то такой особенной тяги взаимодействовать с российскими коллегами не увидел.

Есть ещё и важный идеологический момент: источник представлений об устойчивом развитии был и остается западным. И замены им в принципе нет и быть не может.

? Но попытки наладить взаимодействие с коллегами из вузов Юга и Востока нашим университетам всё же стоит предпринимать? Или совсем бессмысленно?

С нашей стороны есть соответствующий энтузиазм, особенно это касается студентов — у молодых людей другой, нежели у нас с вами, взгляд. И там, где эта история поддерживается энтузиастами, — там она будет продолжаться.

При подготовке расшифровки интервью использован искусственный интеллект компании «Таймлист»

«МГТУ им. Н. Э. Баумана подходит к устойчивому развитию как к инженерной задаче: природу нужно не только беречь, но и уметь измерять, восстанавливать и защищать с помощью технологий»

Интервью с Михаилом Ивановым, руководителем кластера «Технологии защиты природы» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Во-первых, главной причиной невозможности реализации западного сценария является не ограничение по срокам достижения результата, а технологические и природные пределы в достижении нейтральности и сверхвысокая инерционность экосистемы. Хорошо известен пример, что даже полное одномоментное прекращение любой хозяйственной деятельности на Земле приведёт к первым заметным изменениям в эмиссии парниковых газов (ПГ), измеряемым в приповерхностной температуре Земли, только через несколько десятилетий после прекращения. И период ковида явно это подтвердил. Таким образом, предупредить и более-менее существенно сократить изменение глобальной температуры мы не можем. Поэтому изначальная ориентация России и стран Глобального Юга не на митигацию, а на адаптацию была оправдана.

И в этой связи трудно отметить явный перенос «центра тяжести». Наверное, его наиболее ярко чувствуют только ряд экспортно ориентированных компаний, чьи коммерческие интересы были традиционно связаны с Западом, но я думаю, что в совокупности с необходимостью перестройки всех других внутренних и внешних корпоративных процессов в связи с переориентацией геополитического курса России с Запада на Восток, Юго-Восток и Север (СМП) данные вопросы практически незаметны.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

Ровно так же, как и для корпоративного сектора: был смещён центр международной образовательной и научной деятельности на Восток, Юго-Восток, Африку и Южную Америку. Произошло замещение одних конечных потребителей другими. Да, наверное, одномоментно была некоторая количественная просадка показателей, но она быстро сменилась ростом.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

МГТУ им. Н. Э. Баумана подходит к устойчивому развитию как к инженерной задаче: природу нужно не только беречь, но и уметь измерять, восстанавливать и защищать с помощью технологий. Эту работу ведёт кластер «Технологии защиты природы» («Зелёный дом»). Он объединяет разработки по очистке воды и воздуха, переработке отходов, снижению шума, промышленной безопасности, агровольтаике и оценке того, что природа даёт городу и людям, и создаёт для этого собственные приборы.

Готовить специалистов помогают кафедра «Экология и промышленная безопасность» (Э9) и факультет лесного хозяйства, лесопромышленных технологий и садово-паркового строительства (ЛТ) Мытищинского филиала. На Э9 учат инженеров, которые знают, как сделать производство безопасным для людей и окружающей среды. В Мытищах готовят специалистов по лесу, озеленению и ландшафту городов. Вместе это закрывает путь от промышленной площадки до городского парка. Научные группы университета отслеживают состояние лесов, городской зелени, рек и морей с помощью лазерного сканирования, спутников и беспилотников, изучают парниковые газы и решают конкретные экологические задачи предприятий и регионов. А студенческое движение Green BMSTU даёт любому студенту, независимо от специальности, возможность включиться в экологию: собрать свой датчик, провести измерения и добавить данные на общую карту, увидев, что инженерия может напрямую работать на благо природы.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Тут надо разделять и конкретизировать понятие «устойчивое развитие в вузах». Если это содействие устойчивому развитию и его развитие в целом, как в большинстве российских примеров, — это одно. Если это реализация проектов для собственного

устойчивого развития — это другое. Ко вторым примерам можно отнести проект SESI от Стэнфорда, в рамках которого они заменили газовую когенерацию и паровую сеть электрической системой с рекуперацией тепла. Университет Цинхуа выступил инициатором Глобального альянса университетов по климату (GAUC). А к примерам первой группы, к которой относится и кейс МГТУ им. Н. Э. Баумана, — например, национальный университет Сингапура (NUS), построивший здания своего кампуса исходя из принципов адаптации к изменению климата.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

Есть явные попытки эту специфику «проявить», и ряд крупных международных рейтинговых агентств, реализуя свои мероприятия в области устойчивого развития, активно занимаются данным вопросом. Однако, на мой субъективный взгляд, о какой-либо динамике говорить не стоит, причём не только в России, но и в целом в мире. Высшее образование — крайне консервативная отрасль, и для неё «всплески моды» даже длительностью в пару десятилетий часто проходят почти незамеченными.

? Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития.

Основные партнёры у нас в Китае, СНГ и странах БРИКС, и это сотрудничество активно растёт. Главная площадка — Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), которую МГТУ сам создавал вместе с Харбинским политехом. Там регулярно проходят летние школы и совместные проекты, есть онлайн-школы по чистой энергетике и устойчивому развитию. По нашей теме уже работает совместный бакалавриат с Харбинским политехом «Экологическая инженерия окружающей среды», а с Пекинским технологическим институтом действует совместная школа. Иностранцев у нас много, около 19% очных студентов. Перед учёбой их хорошо готовят на подготовительном отделении: язык, индивидуальный план, помощь с адаптацией. Обмены по устойчивому развитию пока идут под конкретные проекты, и здесь у нас хороший задел для роста.

Сильнее всего в совместных исследованиях себя проявляет кластер «Технологии защиты природы». Вместе с Цинхуа мы создаём ГИС-лабораторию «Орбита дружбы» для обработки космоснимков, выступаем на площадках ООН (в этом году на COP17 по опустыниванию, COP32 и др.), работаем в диссоветах Генуи и Цинхуа, публикуемся в Scopus и WoS. Наши работы цитируют за рубежом, мы активно изучаем чужие. За международными стандартами следим постоянно и сразу берём их в работу и в учебные курсы: ISO 17298, TNFD, SBTN, SEEA EA, InVEST, i-Tree, плюс опыт Китая и БРИКС. Следующий шаг, который мы видим, — собрать эти инициативы в единую университетскую программу международных исследований по устойчивому развитию.

«Правильнее говорить не о смещении центра тяжести в реализации повестки устойчивого развития с Запада на Восток, а о регионализации этих процессов»

Интервью с Марией Жуковой, советником ректора, директором центра устойчивого развития Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Представляется, что сейчас наиболее ярко проявляется не тенденция смещения центра тяжести в реализации повестки устойчивого развития с Запада на Восток, а ослабление стран Европейского союза (по объективным причинам) с одновременным усилением стратегий и результатов в области устойчивого развития государств – участников СНГ, ЕАЭС, ШОС+ и БРИКС+ в целом и в той части, которая касается высшей школы. Присущая текущему периоду тенденция *регионализации* оказывает существенное влияние на достижения в области устойчивого развития в целом и деятельность вузов.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

При внедрении принципов устойчивого развития в РУДН постарались учесть *универсальные* (17 ЦУР ООН) и *национальные* цели развития максимально, насколько это было возможно с учётом специфики деятельности российской организации высшего образования. Поэтому потребность в существенных изменениях не возникла. РУДН планомерно движется заданным курсом, ежегодно демонстрируя прогресс, отмечаемый независимыми рейтинговыми (рэнкинговыми) исследованиями. Принципы устойчивого развития интегрированы в административно-хозяйственную, образовательную и научно-исследовательскую деятельность университета, что подтверждается высокими качественными и количественными наукометрическими и иными показателями.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

РУДН с 2021 года реализует проект по выпуску и независимому аудиторскому заверению отчётности в области устойчивого развития и на текущий момент продолжает оставаться единственным российским университетом, который не только выпускает отчёт об устойчивом развитии, но и участвует в процедурах независимого заверения данной отчётности. Так, в Отчёте об устойчивом развитии РУДН за 2025 год (с ретроспективным раскрытием показателей за 2024 и 2023 годы) 15 раскрытых показателей GRI экологического, социального и управленческого характера прошли независимое аудиторское заверение. При подготовке ESG-отчётности РУДН ориентируется на международные стандарты, а также рекомендации Минэкономразвития России и Банка России. В среднесрочной перспективе планируется применение МСФО S1, S2, а также Стандарта общественного капитала бизнеса в той части, которую получится адаптированно применить к университету.

Начиная с 2022 года РУДН проводит ***Международную научную конференцию «В целях устойчивого развития цивилизации: сотрудничество, наука, образование, технологии»*** (далее — Конференция), посвящённую вопросам достижения 17 ЦУР ООН. Ежегодно в данной Конференции принимают участие 1500+ представителей академического сообщества, органов публичной власти и бизнеса из 50+ стран мира. Конференция является уникальным научно-техническим мероприятием, охватывающим все 17 универсальных целей развития, а также национальные цели России и зарубежных государств-участников. По результатам исследования INVENTORUS, в 2026 году данная Конференция отмечена в числе лучших практик в «ESG-рэнкинге ведущих университетов стран БРИКС». Юбилейная ***V Конференция «Путь стран ШОС+ к 17 ЦУР: комплексный подход»*** *пройдёт в РУДН* ***17-20 ноября 2026 года***.

В 2025 году РУДН стал первым и пока единственным вузом России, выпустившим стандарт организации — это ***Стандарт организации «Устойчивое развитие университета. Принципы оценки экологических показателей» СТО 02066463-001-2025***, который разработан коллективом Института экологии и при содействии Научного управления и Центра устойчивого развития РУДН и зарегистрирован в Реестре добровольной регистрации добровольной регистрации стандартов организации Российского института стандартизации. ***Стандарт организации — это уже не просто***

политика и стратегия организации, которые весьма часто носят декларативный характер. Стандарт — это более ответственно во всех отношениях. В среднесрочной перспективе запланирована стандартизация социальных и управленческих показателей РУДН. Будем рады поделиться нашим опытом с университетами и индустриальными партнёрами.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

За последние пять лет наблюдается устойчивый интерес к научно-техническим мероприятиям, образовательным программам (включая совместные с зарубежными вузами) и иным национальным и международным проектам по тематике устойчивого развития, особенно в очной форме проведения. При некотором влиянии геополитической ситуации на академические партнёрства, наиболее существенным сдерживающим фактором здесь всё-таки является недостаток или отсутствие финансирования и (или) иных ресурсов у российских и зарубежных вузов. Помимо поддержки руководства вуза, первостепенное значение имеет достаточность у вуза ресурсов для реализации проектов (программ) в области устойчивого развития.

? Расскажите, пожалуйста, как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению. Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед или во время прохождения курса?

Для подготовки иностранных абитуриентов в РУДН действует цифровой подготовительный факультет. Абитуриенты из разных стран мира имеют возможность приступить к изучению русского языка, культуры и специфики обучения и жизни в России дистанционно — не выезжая из родного дома. Это позволяет не только сократить неравенство, предоставляя доступ к образованию большему числу заинтересованных лиц, но и минимизировать персональные риски каждого. За время дистанционного обучения на цифровом подфаке слушатель понимает степень своей готовности к переезду в Россию для обучения в очной форме. Во время очного обучения в РУДН иностранные студенты продолжают изучение русского языка и непрерывно получают поддержку от тьюторов и кураторов, взаимодействуют со студенческими землячествами и ассоциациями, что позволяет им чувствовать себя более комфортно в образовательном процессе, внеучебных мероприятиях и бытовых вопросах.

? Занимаются ли в РУДН изучением зарубежной нормативной базы по УР?

В РУДН развиты компаративистские исследования, в частности, сравнительное правоведение. В структуре Юридического института РУДН действуют, в частности, кафедры международного права, административного и финансового права, земельного и экологического права, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, результаты научной и образовательной деятельности которых существенны в достижении универсальных и национальных целей развития.

В сентябре 2026 года стартовала программа повышения квалификации «Международно-правовые основы устойчивого развития» кафедры международного права и Центра дополнительного образования Юридического института РУДН — это образовательный интенсив, который сочетает получение теоретических знаний о ключевых аспектах реализации Повестки-2030 с практическим моделированием реальных международных процессов формирования Повестки-2030+. Слушатели программы принимают участие даже в симуляции работы экспертной группы ООН по подготовке новой стратегии устойчивого развития – 2030+, что позволяет сформировать уникальный опыт.

Национальные цели развития зарубежных стран, закрепленные в их национальном законодательстве, изучаются и учитываются управленческой командой РУДН при подготовке и проведении научно-технических мероприятий, реализации научных исследований и образовательных программ.

«Говорить о сотрудничестве с зарубежными университетами в области устойчивого развития сейчас сложно: Запад закрыт, а Восток не сильно раскрывается»

Интервью с Еленой Лимановой, заместителем декана экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Я согласна с утверждением, что локомотивом в реализации ESG-повестки становится Азия, прежде всего Китай. Отчасти это может быть эффектом низкой базы, но в основном, как мне кажется, это и следствие активной роли государства — того, насколько сильно государство вмешивается в экономику и определяет направления её развития. Низкоуглеродное развитие — при всей своей необходимости — серьёзно затрагивает интересы многих экономических субъектов (да вообще всего общества!) и фактически означает жертвование обществом части текущего благосостояния в обмен на вероятное снижение критических рисков в будущем. Достижение консенсуса разных игроков в демократической дискуссии здесь — непростая задача, особенно в плане конкретных действий, даже если сами идеи устойчивости принимаются и разделяются.

Действительно, на прямой вопрос потребителю или производителю «А вы готовы жертвовать, скажем, 10% ежегодного дохода, начиная с сегодняшнего дня, чтобы через 80 лет половина Филиппин, возможно, избежала затопления?», вполне вероятно, мы не получим согласия. Т. е. добровольная жертва у развитого мира не очень получается, а обязывать, заставлять государство может до определенных пределов. Исследовательские работы наших студентов в области устойчивости нередко, или даже как правило, приходят к выводу об экономической нецелесообразности принятия ESG-решений на уровне компаний в условиях существующей институциональной среды. Целесообразными они могут стать только при изменении регуляторного давления. Так вот, такое давление в азиатском регионе принимается и ожидается. Не раз и не два я слышала от коллег, которые занимаются исследованиями в области устойчивости, о «запредельной продвинутости» политики и практик ESG, в частности, в Китае.

Относительно того, насколько это касается высшей школы в азиатском регионе, мне лично судить трудно. Эта система недостаточно прозрачна для меня, в том числе и потому, что лучше всего высшая школа познается в партнёрстве. Партнёрские связи здесь сложнее устанавливать в силу языкового барьера. И в силу прагматичности высшей школы Китая — тоже. Китайские университеты идут на сотрудничество, если очевидно ожидают, что получат от него многое. А если страна является лидером в данной области, вряд ли сотрудничество в данном аспекте им интересно. Тем не менее, наблюдая вал научных публикаций китайских авторов, предполагаю, что исследования и, как следствие, образование в области устойчивости находятся в Китае на высоком уровне. Из опыта взаимодействия с китайскими коллегами почти уверена, что образование и исследования по этим вопросам также прагматичны — скорее всего, с серьезным уклоном в техническую сторону и инженерные решения.

Про прогресс Индии в сфере устойчивости мне известно существенно меньше, однако из того, что социальная ответственность бизнеса там закреплена законодательно (крупные компании обязаны определённый процент прибыли расходовать на социально ответственные действия), ожидаю довольно высокого консенсуса в обществе и заинтересованности государства как регулятора в достижении целей устойчивого развития.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

Не думаю, что содержание принципов устойчивого развития изменилось. Другое дело, что в нашем восприятии УР подразумевает в большей степени акцент на экологии и климате, а в меньшей — социальную составляющую устойчивости. Что, кстати, верно и для Глобального Юга. Отсюда и приоритеты — чего мы ожидаем, когда говорим об устойчивом развитии университетов. Для этих приоритетов время сейчас тяжёлое — кажется, что бремя иных вызовов точно не усиливает, а скорее, и ослабляет внимание к устойчивости и веру в неё.

Вот почему развитие НГУ в этой области — инерционное. Те заделы, которые были созданы ранее, продолжают существовать, как могут (климатический центр, магистерская программа «Управление бизнесом для устойчивого развития»), осознанного вектора развития университета в целом не наблюдается. Хотя, кажется, большее внимание к социальным аспектам устойчивости, признание их важной составляющей УР, могло бы поддержать стратегический фокус НГУ на устойчивости, ведь с вызовами

ощущению счастья, благополучия людей в меняющемся мире, в том числе под влиянием цифровизации и ИИ, как внутри, так и снаружи университета, мы сталкиваемся постоянно.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

Наиболее существенные проекты в области устойчивого развития в НГУ связаны с научными изысканиями по инициативе исследователей и по заказу компаний. Всё это реализуется в Климатическом центре НГУ. Таких заказов немного, т. е. пока спрос со стороны бизнеса не сформирован, однако уже есть примеры формирования «лояльных заказчиков» — компаний, которые повторно обращаются в университет за хоздоговорными работами. Такое подтверждение уровня экспертности наших специалистов радует. Таким потенциалом обладает также Передовая инженерная школа НГУ.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Комфортнее и более предметно я могу рассуждать об образовании в сфере устойчивого развития. Поскольку я работаю на экономическом факультете, и меня интересует управление УР, ESG и связанные с этим вопросы, я обращаю внимание на профильные программы, которые предлагает ВШЭ («Управление устойчивым развитием компании») и МГИМО («Менеджмент устойчивого развития»). Обе программы обеспечивают высокий уровень экспертности, возможности привлечения специалистов-практиков из множества компаний. Этот диалог с бизнесом важен как для образования — возможностью показать студентам прикладные аспекты управления устойчивостью, так и для общества (бизнеса) — поддержкой УР и содействием обсуждению и распространению принципов УР.

Что касается внедрения устойчивого развития в высшей школе, трудно быть конкретной, поскольку с сотрудничеством, возможностью наблюдать за опытом других университетов сегодня сложно (Запад закрыт, Восток не сильно раскрывается).

Тем не менее можно порассуждать, что должен делать университет для внедрения УР.

Прежде всего, стремиться к устойчивости внутри — «зелёный кампус», благоприятная среда. Знаю, что многие университеты идут по этому пути. С удовольствием наблюдаю, как кампусы наших университетов (в т. ч. НГУ) развиваются, становятся более комфортными, при этом бережливость, экономичность обусловлены не только развитием технологий строительства, энергообеспечения и инженерии, но и тем, что растущий кампус увеличивает финансовую нагрузку и зону хозяйственной ответственности университета. У кого лучше получается, чей опыт можно изучать — затрудняюсь сказать.

Важный вклад университета в устойчивое развитие — это способность вуза генерировать ответы на вызовы устойчивости для общества.

С этой точки зрения такая категория университетов, как «университеты 3.0» (предпринимательские университеты) в большей степени кажутся готовыми к этому. В том числе и потому, что умеют «ломать межпредметные стены», реализовывать междисциплинарные проекты, креативную атмосферу. Тут можно было бы посмотреть на рейтинги предпринимательских университетов, но предпочту опереться

на собственный опыт: в этом хороши университеты Швейцарии (Лозанна, Сент-Галлен, например); Технический университет Мюнхена. В России меня очень впечатлила организация проектной деятельности в ВШЭ, которая позволяет легко собирать междисциплинарные команды, запускать и отслеживать проекты. К сожалению, не могу сослаться на опыт азиатских университетов, а было бы очень интересно. Но в целом видно, что многие российские университеты, в том числе НГУ, идут по пути создания инновационной инфраструктуры — стартап-студий, преакселераторов и т. п. Можно сказать, формируются предпосылки, которые при наличии запроса общества позволят университетам ответить на этот запрос.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

Ситуацию с мероприятиями университетов для УР в России я бы назвала стабильной или стабильно низкой. Фактически единственная известная мне регулярная конференция — та, которая проводится под эгидой рейтингового агентства «Эксперт». Знаю о международных конференциях по устойчивости в бизнесе в ВШЭ. В НГУ работает традиционная международная ежегодная экологическая конференция (без фокуса на УР, впрочем). Могу многого не знать, но, с другой стороны, в академическом сообществе масштабные и значимые события так или иначе распространяются.

Уверена, что зарубежные университеты активно включены в повестку УР, как минимум из-за того, что объединяют в себе образование и исследования, а значит, как центры исследований, должны отвечать на вызовы устойчивости.

Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития:

- **студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.);**
- **организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия);**
- **совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.);**
- **совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами).**
- **Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?**
- **Изучается ли зарубежная нормативная база по УР (насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах — каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания)?**

На вопросы о международном сотрудничестве НГУ в области устойчивого развития проще ответить так: в целом его нет, по крайней мере, с точки зрения образования. В НГУ нет совместных образовательных программ в этой области или сотрудничества, которое формировало бы студенческие обмены в рамках нашей магистерской программы «Управление бизнесом для устойчивого развития». Это программа вызывает определённый интерес у некоторых абитуриентов из стран ближнего зарубежья, но на данный момент на неё поступил только один иностранный студент.

Программа реализуется на русском языке (хотя изначально планировали запускать англоязычную программу), и это, конечно, барьер для иностранных студентов, которые могли бы приехать из дальнего зарубежья. Например, большой интерес высказывали некоторые африканские страны. Для обучения русскому языку в университете есть возможность — действует прекрасный Центр изучения русского языка. Однако года подготовки, как правило, недостаточно для полноценного участия в программе — так, как это требуется в НГУ.

Что касается совместных или даже заказных исследований, университет открыт к этому, но конкретные примеры являются, скорее, исключением, чем правилом (например, исследовательский проект в ПИШ НГУ, связанный с захоронением парниковых газов, по заказу консорциума, включающего китайских партнёров).

Вместе с тем зарубежный опыт — нормативная база и практики ESG, климатических проектов, в НГУ изучаются. С одной стороны, это делают студенты для своих исследований в рамках ВКР; с другой — в ответ на слабый, но всё же существующий запрос бизнеса, который рассматривает возможности доступа на рынки, где эти правила работают.

«Повестка устойчивого развития для нас, с одной стороны, преимущественно носит технологический характер и теснейшим образом связана с развитием российского транспортного комплекса, а с другой — опирается на человекоориентированность»

Интервью с Игорем Розенбергом, научным руководителем Российского университета транспорта, членом-корреспондентом РАН

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Да, с утверждениями о проявлении подобного тренда можно во многом согласиться.

На фоне быстрого темпа роста промышленного производства в Китае и Индии и их большой доли в мировом балансе вредных выбросов (по различным данным — более трети), этими странами предпринимаются огромные усилия по снижению объёма выбросов, развитию возобновляемой энергетики, использованию альтернативных видов топлива.

Китай — лидер по объёмам производства, внедрения и экспорта ключевых низкоуглеродных технологий в сфере возобновляемой энергетики. Страна создала крупнейшую в мире систему торговли выбросами, охватывающую электроэнергетику и постепенно расширяющуюся на другие отрасли. Китай производит более трети мировой зелёной электроэнергии и демонстрирует экспоненциальный рост низкоуглеродной генерации.

Индия встроила проекты по декарбонизации в национальную энергетическую стратегию, нацеленную на климатическую нейтральность к 2070 году.

Если обратиться к технологической основе экологической составляющей устойчивого развития в близкой для нас транспортной сфере, то здесь налицо впечатляющий рывок КНР в производстве автомобилей на новых источниках энергии (NEV) — электромобилей и гибридов. Произведённые в Китае электромобили занимают существенную часть мирового рынка (около 75%), а на внутрикитайском рынке продаж новых автомобилей доля электрокаров уже достигла двух третей.

Существенные усилия предпринимаются и в западных странах — США, Канаде, в Евросоюзе. Заявлены амбициозные планы сделать Европу полностью климатически нейтральной к 2050 году, при этом сократить вредные выбросы от транспорта на 90%.

Однако на фоне КНР и Индии, несмотря на значительные успехи в продвижении технологий возобновляемой энергии в транспортной сфере, Евросоюз, например, вынужден корректировать изначально амбициозные планы. Если в 2023 году предполагался полный запрет на продажу новых легковых и легких коммерческих автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (бензин, дизель) с 2035 года (за исключением машин на климатически нейтральном синтетическом топливе — e-fuels), то сейчас регулирование уже смягчается. Целевой показатель сокращения выбросов CO2 для новых авто предложено оставить на уровне 90% (вместо 100%), оставив поле для гибридов и альтернативных технологий и после 2035 года.

Общим для многих стран в транспортной сфере стал акцент на более экологичные виды транспорта — речные перевозки, железные дороги.

Разрабатывается, в том числе и в России, железнодорожный тяговый подвижной состав на аккумуляторах, водородном топливе, уже применяются газотурбовозы. Разрабатываются и уже эксплуатируются морские и речные суда на различных видах альтернативного топлива — СПГ, метаноле, аммиаке и пр.

Как отметил заместитель Председателя Правительства России А. Никитин, «переход на новые источники энергии идёт по всей транспортной системе». В общественном транспорте регионы постепенно заменяют дизельную технику газовыми автобусами и электробусами, на железных дорогах расширяется электрическая тяга. Задача — повышать энергоэффективность без снижения доступности перевозок. Для авиации ключевым станет 2027 год. Минтранс и Минэкономразвития формируют правовую базу для адаптации отрасли к международным климатическим требованиям, а на базе Научного центра Минтранса прорабатывается создание национального координационного центра по взаимодействию с ИКАО. Россия добивается международного признания собственных углеродных единиц. Заявка российской добровольной системы сокращения выбросов уже направлена на оценку в ИКАО. Параллельно нефтяные компании работают над устойчивым и низкоуглеродным авиационным топливом, которое планируется испытывать в российских авиакомпаниях. Переход на новое авиационное топливо не должен увеличивать стоимость билетов для пассажиров. Минтранс рассчитывает совместно с Минэкономразвития и Минэнерго при необходимости сформировать меры поддержки, которые позволят внедрять такие решения без дополнительной финансовой нагрузки на пассажиров. Схожая дискуссия идет и в морском транспорте. Россия

выступает против предлагаемого механизма обязательных сборов за выбросы судов в рамках МАРПОЛ, считая его непрозрачным и создающим риски для стран, которые пока не имеют доступа к альтернативным видам топлива. В 2025 году российскую позицию поддержали 57 государств, а рассмотрение поправок было отложено.

Подход к декарбонизации должен оставаться технологически нейтральным. Наряду с альтернативным топливом необходимо учитывать энергоэффективность морских судов и самолетов, доступность и единые прозрачные правила международного признания технологий. Эту позицию Россия продолжит продвигать с партнёрами, в том числе на площадке БРИКС».

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

Отмечу вначале принципиальный для нас момент. Для нас, как университета транспортного профиля, важна долгосрочная комплексная повестка устойчивого развития. Если мы обратимся к целям устойчивого развития ООН и возьмем ЦУР 11 — «устойчивые города и населённые пункты» (хотя для нас важна далеко не только она), то это по существу комплексная цель, интегрирующая почти все задачи транспортного развития. Не буду перечислять составляющие — их множество — от связанности территорий, экономических эффектов, доступности транспортных услуг до обеспечения семейноцентричности.

Из этой комплексности, системности мы и исходим.

Поэтому отметим, что мы мало подвержены конъюнктурным изменениям, издержкам климатической повестки. И в целом каких-либо резких изменений в содержании или приоритетах внедрения принципов устойчивого развития в отношении практик нашего университета не произошло.

Это объясняется тем, что эта повестка для нас преимущественно носит технологический характер и теснейшим образом связана с развитием российского транспортного комплекса. Приоритеты развития закреплены в Транспортной стратегии нашей страны, они преемственны, что позволяет нам последовательно работать при подготовке специалистов и научном обеспечении транспортной отрасли. Думаю, будет возможность осветить эти аспекты в ответах на дальнейшие вопросы.

С другой стороны, технологичность не заслоняет другой важнейший акцент в стратегии университета — человекоориентированность. Этот принцип применим при планировании всех процессов. В частности, для студентов это не просто получение знаний, а создание среды, где можно развивать «мягкие навыки», лидерские качества, участвовать в проектной деятельности в качестве соавторов решений. Университет стремится учитывать индивидуальные траектории, помогать с карьерными консультациями, создавать условия для самореализации вне учёбы (студенческие инициативы, волонтёрство).

Для преподавателей это поддержка профессионального роста: программы повышения квалификации, возможность вести междисциплинарные исследования, быть вовлечёнными в реальные отраслевые проекты. Важна и атмосфера в коллективе, снижение бюрократической нагрузки там, где это возможно. Это создание условий для эффективной работы, учёта мнений при оптимизации внутренних процессов, развитие корпоративной культуры, где каждый чувствует свою ценность для достижения общей цели.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

РУТ (МИИТ) активно развивает повестку устойчивого развития, фокусируясь на экологическом, социальном и управленческом векторах. Как подчеркнуто выше, основные проекты и задачи связаны с адаптацией транспортной отрасли к климатическим изменениям, внедрением зелёных технологий и подготовкой кадров.

В рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» реализуются несколько стратегических проектов, напрямую связанных с устойчивым развитием.

Это стратегический технологический проект «Новые транспортные технологии для технологического лидерства». Ключевые задачи проекта — адаптация транспортной системы к изменяющимся климатическим условиям, воздействию природных и техногенных факторов, а также создание системы климатического прогнозирования с учётом специфики транспортной отрасли.

Проект «Углеродно-нейтральный транспорт» направлен на снижение выбросов парниковых газов в транспортной сфере. В его рамках работает научно-образовательный центр «Центр углеродного регулирования и устойчивого развития на транспорте», который стал победителем международного конкурса «Зелёная Евразия» в 2023 году. Специалисты центра занимаются инвентаризацией выбросов, расчётом углеродного следа от нефтепродуктов и топлива, а также разработкой природоохранных комплексов для мониторинга и утилизации.

Для системной работы в университете созданы профильные подразделения:

- орган по валидации и верификации парниковых газов,
- ситуационно-аналитический центр «РУТ КЛИМАТ».

Проект «Транспортные системы – 2036: синергия безопасности и комфорта». Цель — повышение безопасности городского транспорта.

Проект «Управление мобильностью в транспортных системах агломераций». Его задача — достижение технологического лидерства в управлении транспортными системами мегаполисов и агломераций.

Среди образовательных инициатив в 2025 году открыта новая образовательная программа бакалавриата «Экология и устойчивое развитие транспорта». Студенты изучают основы экологической и химической безопасности, социальную ответственность бизнеса, нормативную базу и управленческие решения в этой сфере, осваивают экологический менеджмент — от оценки рисков до внедрения природосберегающих технологий.

В университете действует кафедра «Устойчивое развитие транспорта и техносферная безопасность», имеющая в своем составе несколько специализированных лабораторий (процессов и аппаратов защиты окружающей среды и промышленной экологии; пробоотбора и пробоподготовки; экологических информационных систем; экологического мониторинга и средств контроля окружающей среды (физических и химических методов контроля)).

На базе университета действует научный совет РАН «Окружающая среда и транспорт», выполняющий функции ведущего экспертного органа Российской академии наук по вопросам формирования и координации научных исследований в сфере транспорта.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Уверен, что у каждой страны есть своя специфика.

Если говорить о внедрении общей повестки устойчивого развития в деятельность высшей школы, то, думаю, будет корректно начать с российских вузов, которые уже много лет этим занимаются. Не буду их называть поимённо, чтобы кого-то не упустить, но они активно участвуют в мероприятиях RAEX и будут среди участников предстоящей конференции.

Мы с большим вниманием и благодарностью относимся к нарабатываемым в нашем академическом сообществе практикам и готовы их адаптировать к своей деятельности.

Что касается зарубежного опыта, то можно говорить о двух аспектах.

Это внедрение общих академических подходов к устойчивому развитию и собственно его реализация применительно к подготовке специалистов и научному обеспечению транспортного комплекса.

В первом смысле нам может быть близок опыт Университета Цинхуа (Китай) именно системным подходом к целям устойчивого развития. Университет регулярно публикует отчёты о деятельности в разрезе ЦУР ООН, где не только раскрываются общие действия, но и разбираются конкретные кейсы по каждой цели.

В частности, в рамках развития зелёного кампуса проводится студенческий конкурс проектов по проектированию кампуса с низким уровнем выбросов углерода.

В рамках научных исследований и партнёрства при университете работает Институт целей устойчивого развития, который занимается проектами, связанными с достижением пика выбросов CO_2 к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году. Университет активно участвует в национальных стратегических инициативах, например в рамках 15-го пятилетнего плана (2026–2030), который делает акцент на высококачественном развитии и технологическом суверенитете.

Большой интерес привлекает научная деятельность и публикации транспортных университетов по широкой проблематике, связанной с устойчивым развитием (умный транспорт, ВСМ, городские транспортные системы, новые виды экологичного топлива). В этом плане всегда интересен опыт транспортных вузов КНР, например Пекинского, Юго-Западного, Шанхайского и многих других.

В целом в плане сотрудничества с близкими к нам по транспортному профилю университетами-партнёрами можно констатировать, что наше взаимодействие всегда взаимообогащающее, так как у нас очень близкое понимание целей образования и науки в интересах развития устойчивых транспортных систем. У каждого университета есть какие-то практики, наработки, которые представляют интерес для коллег. Это характерно для нашего взаимодействия со всеми нашими партнёрами, поэтому не хотел бы кого-то выделять особо.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

Давать количественные оценки в этом вопросе — дело неблагодарное, но динамика, безусловно, положительная, и за последние пять лет она стала особенно заметной.

Показательно, что Генеральная Ассамблея ООН объявила 2026–2035 годы Десятилетием устойчивого транспорта, а ИМО и ИКАО поставили цель выйти на нулевые выбросы в судоходстве и авиации к 2050 году. Транспортные университеты не могут оставаться в стороне от этой повестки.

Еще раз повторю, что для университетов, занимающихся транспортной наукой и образованием, это следствие органичной связи с ростом внимания к указанным выше вопросам устойчивого развития транспортных систем со стороны государства, экономики, общества.

В этой связи нужно отметить нарастание интереса к инновационным технологиям, таким как автономные и высокоавтоматизированные транспортные системы; альтернативные виды топлива; повышение ресурса источников энергии; снижение негативного влияния на природу при строительстве и эксплуатации транспортных объектов4 утилизация и вторичное использование ресурсов, их переработка; повышение комфортности среды для человека и т. д.

Страновая специфика, на мой взгляд, определяется прежде всего тем, какое место повестка устойчивого развития занимает в экономической политике государства и какие транспортные технологии в нём развиваются приоритетно. В Китае эта тема тесно связана с государственными целями по снижению углеродного следа, развитием высокоскоростного железнодорожного сообщения и электротранспорта, поэтому китайские университеты сегодня особенно активны и в исследованиях, и в организации международных мероприятий. Для стран Центральной Азии и ЕАЭС на первом плане — развитие международных транспортных коридоров, энергоэффективность и устойчивость инфраструктуры к климатическим нагрузкам. Для университетов Африки и Юго-Восточной Азии ключевыми становятся доступность транспорта, подготовка кадров и создание инфраструктуры, отвечающей современным экологическим требованиям.

В целом я бы зафиксировал устойчивый тренд: центр этой активности смещается на Восток и на Глобальный Юг, в том числе в форматах БРИКС, ШОС и ЕАЭС. При этом интерес к теме в других регионах мира не ослабевает.

Меняются и сами формы участия. Если раньше речь шла преимущественно о конференциях и публикациях, то сегодня всё больше совместных образовательных программ и сетевых проектов, в которых университеты работают вместе с отраслью. Для нас хорошие примеры — Российско-Африканский сетевой транспортный университет, который объединяет российские и африканские вузы вокруг общих задач подготовки кадров для транспорта, и Международные транспортные проектные соревнования, где студенческие команды из разных стран работают над прикладными транспортными проектами.

? Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития (ниже перечислены варианты).

Вновь хотел бы отметить, что мы подходим к определению повестки устойчивого развития в силу специфики нашего транспортного профиля максимально широко.

В этой связи не считал бы целесообразным выделять по чисто формальным признакам какое-либо направление подготовки и ограничиваться им. Лучше было бы рассматривать международное сотрудничество в целом и место в нем множества аспектов устойчивого развития.

Например, подготовка специалистов железнодорожного транспорта включает аспекты развития экологичного электрифицированного движения; строительство высокоскоростных магистралей — экологические аспекты эксплуатации и природоохранных мероприятий; подготовка специалистов по городскому общественному транспорту — снижение экологической нагрузки на города и населенные пункты; разработка воздушного и водного транспорта — экологичность технологий, климатические аспекты строительства и эксплуатации инфраструктуры. И это только примеры.

Поэтому, отвечая на следующие вопросы, я буду говорить о международном сотрудничестве университета в целом.

- **Студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.).**

Сегодня в университете обучаются около 2 000 иностранных студентов из 83 стран мира. Более двух третей обучаются на договорной основе, и это, на мой взгляд, хорошо показывает реальный спрос на российское транспортное образование.

Академическая мобильность в 2025 году охватила более 200 человек. Это студенты программ двойного диплома с Пекинским объединённым университетом и Пекинским транспортным университетом, преподаватели, которые вели занятия в университетах – партнёрах Китая и Узбекистана, участники летних школ в Северо-Восточном университете (Шэньян).

Очень востребованы у наших партнёров летние и зимние школы, стажировки для преподавателей, курсы русского языка в очном и дистанционном форматах. Каждый год занятия проходят сотни студентов и преподавателей китайских вузов-партнёров, и интерес к обучению только растет.

Отдельно «зелёной» мобильности мы не выделяем, но значительная её часть приходится на инфраструктурные и строительные специальности, где вопросы экологии и климатической устойчивости входят в содержание подготовки.

- **Совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами).**
- **Организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия).**

В 2025 году университет вёл научно-техническое сотрудничество со 120 вузами-партнёрами и организациями из 35 стран.

Важное направление — совместные научные проекты с китайскими партнерами. Только в первом полугодии 2026 года мы вместе с китайскими университетами подготовили и подали четыре заявки на научные гранты, в работе над ними участвовал, в частности, Институт строительства транспортной инфраструктуры. Совместные заявки на гранты обсуждались и на переговорах в Пекине с Пекинским транспортным и Пекинским объединенным университетами. Начинаем такую работу и в Африке: например, с Главным управлением городской мобильности Буркина-Фасо обсуждаем совместные исследования транспортной системы и транспортных коридоров.

Мы регулярно участвуем в сессиях ИМО, ЕЭК ООН и ОСЖД, сотрудничаем с ЭСКАТО ООН, на нашей базе работает Центр переводов ИКАО. На этих площадках экологическая безопасность и устойчивость транспорта — одна из постоянных тем.

Из мероприятий, проведённых на нашей площадке в 2025 году, с повесткой устойчивого развития напрямую связаны:

– II Международная научно-практическая конференция «Формирование единого транспортного пространства стран – участниц ЕАЭС и БРИКС»;

– IV Китайско-Российский форум молодых учёных в области геотехники и подземного строительства;

– Международный научный семинар «Устойчивость транспортной инфраструктуры в холодных регионах»;

– II Международная научно-практическая конференция «Проектирование, строительство и эксплуатация транспортной инфраструктуры в сложных климатических и инженерно-геологических условиях»;

– IV Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии транспорта и логистики»;

– VI Международная научно-техническая конференция «Проектирование, строительство и эксплуатация мостов, тоннелей и метрополитенов».

Отдельно хотел бы сказать о Международных транспортных проектных соревнованиях. В 2025 году в них участвовали команды из Китая, ЮАР, Намибии, Мали и России. В 2026 году интерес заметно вырос: зарегистрировано 25 команд из 9 стран, в финал вышли 12 команд из 8 стран — Беларуси, Китая, Узбекистана, Ганы, Мали, Намибии, Замбии и ЮАР. Очный финал проходит в РУТ (МИИТ) 28–30 октября 2026 года.

Наши преподаватели и учёные также принимали участие в международных научных мероприятиях, организованных зарубежными партнёрами и научными организациями, в том числе:

– 23-й Китайской международной конференции по обмену профессионалами (CIEP);

– XII Китайско-Российском форуме по инженерным технологиям;

– международном симпозиуме TRANSOILCOLD 2025, посвящённом вопросам транспортного строительства в условиях холодных регионов;

– международных научных форумах и конференциях, проводимых университетами и научными центрами Китая, Беларуси и других государств.

Активно работаем и на площадке Координационного транспортного совещания государств — участников СНГ. Наши специалисты выступали на конференциях «Формирование требований к профессиональным компетенциям и их совершенствование в целях устойчивого развития транспорта» (2025) и «Город и транспорт: устойчивая мобильность и безопасность дорожного движения» (2026).

- **Совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.)?**

В Российском университете транспорта наблюдается устойчивая динамика увеличения численности обучающихся из Китайской Народной Республики: с 2018 года количество студентов из КНР увеличилось более чем в 13 раз, что является результатом последовательной работы университета по развитию совместных образовательных программ и реализации проектов в рамках пяти образовательных лицензий, выданных Правительством Китайской Народной Республики.

Сегодня у нас реализуется более 25 совместных с зарубежными партнёрскими университетами образовательных программ, включая ведущие к получению двойных дипломов. Указанные программы реализуются в сотрудничестве с образовательными организациями Китайской Народной Республики, Республики Узбекистан и других стран и направлены на подготовку высококвалифицированных специалистов для транспортной отрасли в условиях международного взаимодействия.

Пример такой работы — трёхсторонняя программа по логистике, которую мы реализуем вместе с Ташкентским государственным транспортным университетом и Даляньским университетом информатики Neusoft.

Стратегическим партнёром для нас остается Китай: программы двойного диплома с Пекинским объединённым университетом и Пекинским транспортным университетом, соорганизация IX Форума Ассоциации ректоров транспортных вузов России и Китая (сейчас готовим уже X Форум), запуск цифровой витрины компетенций ректоров транспортных вузов России и Китая.

Важным направлением сетевого взаимодействия стало привлечение преподавателей РУТ (МИИТ) к реализации образовательных программ в университетах-партнёрах. В 2025 году преподаватели университета проводили лекции и практические занятия в Шицзячжуанском железнодорожном профессионально-техническом институте и Хэбэйском транспортном профессионально-техническом институте (Китайская Народная Республика), а также в Ташкентском государственном транспортном университете (Республика Узбекистан). Тематика занятий включала дисциплины «Инженерная геология», «Механика грунтов», «Строительство и эксплуатация железнодорожных мостов», «Технология строительства мостов» и другие направления транспортной инфраструктуры.

Вектор Глобального Юга включал развитие «Российско-Африканского сетевого транспортного университета» (РАСТУ) с присоединением Университета Зулуленд (ЮАР); проработку программ для международного транспортного коридора «Север — Юг» с Ираном; научно-практическую стажировку для специалистов из Малайзии по технологиям инфраструктуры; подготовку и проведение международных проектных соревнований.

РАСТУ был создан по инициативе нашего университета после второго саммита «Россия — Африка» и включён в План действий Форума партнёрства «Россия – Африка» на 2023–2026 годы. Сегодня сеть объединяет 38 университетов из 14 стран — 18 российских и 20 африканских, только в 2026 году к ней присоединились университеты Ганы, Буркина-Фасо, Того, Сенегала, Нигера и Кот-д'Ивуара. Результат виден и по контингенту: с 2021 по 2025 год число студентов из Африки выросло в 2,5 раза — со 184 до 465 человек, а география расширилась с 25 до 41 страны.

В рамках сети мы развиваем совместные образовательные программы и онлайн-курсы, повышение квалификации для сотрудников транспортных ведомств и компаний, экспертное сопровождение транспортных проектов и совместные исследования. Сейчас вместе с Университетом Ахмеда Бабы (Мали) разрабатываем совместную магистерскую программу по информатике и вычислительной технике, а в апреле 2026 года на Международном транспортно-логистическом форуме подписан меморандум с Министерством специальных инициатив развития Ганы.

> • **Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?**

Иностранные граждане, которые приезжают к нам учиться на русском языке, начинают с подготовительного факультета: изучают русский язык и профильные дисциплины, необходимые для дальнейшего обучения по транспортным специальностям. Языковой подготовкой занимается Центр изучения русского языка как иностранного. Только в первом полугодии 2026 года он провёл 22 языковые школы для иностранных студентов и абитуриентов, из них 17 — в дистанционном формате. Работа по языковой и культурной адаптации продолжается и во время основного обучения.

Начата разработка проекта «Русский язык для иностранцев: цифровой тренажёр с искусственным интеллектом» для зарубежных вузов.

В рамках проекта «Глобальный RUT» проведен многонациональный фестиваль «Вместе кRUTо!», направленный на развитие межкультурного взаимодействия и адаптации иностранных студентов.

Проводим «Интернациональную неделю», на которой студенты знакомят друг друга с традициями своих стран, регулярно встречаемся с землячествами. В Высшей инженерной школе работает разговорный клуб «Нихао, товарищи» для неформального общения российских и китайских студентов, а сейчас мы разрабатываем общеуниверситетский разговорный клуб для языковой и социокультурной адаптации всех иностранных обучающихся.

> • **Изучается ли зарубежная нормативная база по УР? Насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах? Каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания?**

Изучение зарубежного опыта, в том числе и нормативных документов, является важной составляющей ведения научной и педагогической деятельности. В зависимости от направлений деятельности изучается опыт стран СНГ, ЕАЭС, БРИКС, КНР, Индии, а также ЕС, США.

Этот опыт мы используем при обновлении образовательных программ, в научных исследованиях и в работе на площадках международных организаций.

«В реализации повестки устойчивого развития формируется более разнообразная система подходов, в которой национальные приоритеты приобретают больший вес»

Интервью с Заурбеком Саидовым, ректором Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

С тезисом об усилении роли стран Глобального Юга я в значительной степени согласен, хотя речь, на мой взгляд, идёт о перераспределении влияния внутри самой повестки устойчивого развития. Китай и Индия всё заметнее определяют масштабы внедрения технологий, спрос на оборудование, направления инвестиций и прикладных исследований. При этом европейские университеты и научные центры сохраняют сильные позиции в экологическом регулировании, разработке методик, стандартизации и оценке результатов. Поэтому говорить об утрате значения одной модели и полной замене её другой было бы преждевременно. Формируется более разнообразная система подходов, в которой национальные приоритеты приобретают больший вес.

Показателен опыт Китая, где развитие возобновляемой энергетики стало одновременно задачей промышленной политики, технологического обновления и подготовки кадров. Существенная часть мировой прибавки мощностей ВИЭ сегодня обеспечивается именно китайским рынком. Индия решает близкие задачи в иных социально-экономических условиях: расширение доступа к надежной энергии, устойчивость аграрного производства, занятость и стоимость новых технологий здесь не менее значимы, чем снижение выбросов. В результате экологические цели увязываются с производительностью, инфраструктурой и долгосрочными потребностями населения.

Мне представляется, что наиболее существенное изменение связано с расширением предмета обсуждения. Наряду с декарбонизацией всё большее значение приобретают водная и продовольственная безопасность, деградация земель, сохранение плодородия, адаптация к климатическим рискам и финансирование необходимых преобразований. Для стран Центральной Азии, Ближнего Востока и ряда регионов Африки это вопросы устойчивости конкретных территорий. Снижение продуктивности земель отражается на доходах сельских хозяйств, занятости, миграции и налоговом потенциале местной экономики. Отсюда и различие национальных приоритетов: единые принципы требуют решений, учитывающих природные условия и хозяйственную структуру.

Для высшей школы такая ситуация означает изменение характера исследовательского заказа. Исследования, связанные, например, с восстановлением деградированных земель, невозможно ограничить почвоведением или экологическим мониторингом. Необходимы технологии восстановления, анализ хозяйственной нагрузки, экономическая оценка применения решений и понимание того, какие управленческие условия обеспечат их внедрение. Университетам приходится выстраивать исследовательские коллективы и образовательные программы на пересечении естественных, инженерных и общественных наук.

Здесь возникают реальные возможности для российских университетов. Кавказ, Центральная Азия и Ближний Восток сталкиваются с сопоставимыми проблемами землепользования и климатической адаптации, хотя исходные природные условия различаются. Совместные полевые исследования, сопоставимые методики наблюдений и обмен результатами позволяют проверять применимость решений на разных территориях. Такое сотрудничество особенно ценно, когда его результатом становятся общие массивы данных, подготовка исследователей и технологии, востребованные в практике.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

В нашем университете принципы устойчивого развития прежде всего получили развитие через задачи, которые необходимо решать в самой Чеченской Республике: сохранение природных ресурсов, подготовку кадров для экономики региона, развитие социальной и образовательной инфраструктуры, повышение доступности образования. Со временем эти направления стали теснее связываться между собой. В Программе развития ЧГУ им. А. А. Кадырова на 2025–2036 годы они отражены в научно-исследовательской, образовательной, кадровой и кампусной политике. Это даёт возможность рассматривать устойчивое развитие как часть стратегического управления университетом.

Наиболее ощутимые изменения происходят в исследовательской деятельности. К мониторингу состояния природной среды добавляются задачи по разработке

способов восстановления и их проверке. Получив данные о деградации почв или изменении состояния пастбищ, мы должны понимать, какие меры способны изменить ситуацию, какова стоимость их применения, кто будет использовать эти технологии и по каким показателям оценивать результат. Поэтому рядом с экологами и биологами в исследовательских проектах работают специалисты по геоинформационным технологиям, агрономии, экономике и управлению. Такой подход позволяет изначально учитывать условия практического применения научных результатов.

Меняется и содержание подготовки специалистов. Экологические магистратуры, программы по природопользованию, устойчивому туризму и дополнительному профессиональному образованию всё теснее связываются с исследовательскими задачами. Для наших студентов важно видеть, как состояние природных ресурсов влияет на экономику хозяйств, развитие инфраструктуры и качество жизни населения. Этому помогают полевые исследования, работа с данными наблюдений и участие в проектах совместно с научными организациями и потенциальными пользователями технологий.

Внутри университета устойчивое развитие проявляется в конкретных условиях обучения и работы. Программа развития предусматривает ресурсосбережение, экологически ответственную кампусную среду, развитие человеческого капитала и участие университетского сообщества в управлении. Одновременно расширяются меры социальной поддержки. Осенью 2025 года мы открыли комнату матери и ребенка с возможностью кратковременного пребывания детей. Развиваем доступную среду и сопровождение обучающихся с инвалидностью. Для университета с большим студенческим контингентом это практические вопросы равного доступа к образованию и возможности успешно завершить обучение.

Ещё одно изменение касается качества управленческих данных. Чтобы обоснованно принимать решения об энергосбережении, инфраструктуре и социальной поддержке, необходимо видеть фактическое потребление ресурсов, состояние зданий, охват получателей помощи и динамику результатов. Работа с показателями рейтинга RAEX помогает нам систематизировать эти сведения и обнаруживать участки, где учёт или подтверждающие процедуры требуют совершенствования. При этом смысл такой работы для нас заключается в повышении качества внутренних решений: достоверные данные позволяют выбирать меры с наибольшим эффектом и отвечать за их исполнение.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

В рамках «Приоритета-2030» мы развиваем три взаимосвязанных проекта: «Агробиотехнологии для продовольственной безопасности», «Инновационные технологии регенерации почв и экосистем» и «Биотехнологии продуктивного животноводства». Их объединяет задача повышения устойчивости аграрного производства в условиях климатических рисков и деградации природных ресурсов. Для Чеченской Республики это особенно значимо: состояние земель, кормовой базы и агроэкосистем непосредственно влияет на производительность хозяйств и перспективы развития сельских территорий.

По направлению регенерации земель изучаем изменение свойств почв и возможности восстановления их плодородия с применением агробиотехнологий. Весной 2026 года наши исследователи проводили совместные полевые работы со специалистами

Почвенного института имени В. В. Докучаева. Параллельно развиваем дистанционное зондирование, геоинформационный анализ и применение беспилотных аппаратов. Для горных и предгорных территорий важно сопоставлять результаты лабораторных исследований с картиной землепользования в масштабе всего ландшафта. Это позволяет точнее выбирать участки для испытаний и в дальнейшем оценивать результат восстановительных мероприятий.

Существенная часть этой работы опирается на карбоновый полигон WAY CARBON. На его базе ведутся исследования потоков парниковых газов, состояния почвенно-растительного покрова и процессов в природных экосистемах. Получаемые данные важны для оценки воздействия хозяйственной деятельности и климатических факторов. В дальнейшем мы предполагаем активнее использовать результаты мониторинга при исследовании пастбищной нагрузки, выборе регенеративных практик и подготовке решений для управления природными ресурсами территории.

В агробиотехнологическом проекте изучаем устойчивость сельскохозяйственных культур к неблагоприятным условиям, качество посадочного материала и биологические методы поддержания продуктивности. В животноводческом направлении работаем над задачами селекции, ветеринарно-биологического сопровождения и сохранения ценных породных ресурсов. Отдельное место занимают исследования кавказской породы пчёл, в которых вопросы продуктивности связаны с сохранением генетических ресурсов и биоразнообразия. Развивается также научно-технологическая кооперация по коневодству. У каждого из этих направлений своя прикладная задача, но все они связаны с ресурсной устойчивостью сельского хозяйства.

Следующий этап — испытание разработок в условиях, близких к реальному производству. На KazanForum-2026 мы заключили соглашение с Казанским государственным аграрным университетом и определили направления возможной совместной работы: селекция и оздоровленный посадочный материал, почвенный микробиом, биорегенерация земель, цифровой агрополигон и животноводство. Такое партнёрство позволяет объединять исследовательские, агрономические и ветеринарные компетенции. На ближайшие 1-2 года ставим задачу перейти по приоритетным разработкам к сопоставимым испытаниям с исходными показателями, понятной оценкой затрат и эффективности, а также определёнными условиями дальнейшего использования в хозяйствах.

Параллельно будем совершенствовать экологические практики внутри кампуса: учёт потребляемых ресурсов, обращение с отходами и вовлечение студентов в прикладные исследования. Здесь важно не количество проведенных акций само по себе, а регулярность работы и измеримый результат. Университетский кампус может стать площадкой, на которой студенты видят, как управленческие решения об энергосбережении или ресурсопотреблении принимаются на основе реальных данных.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Из зарубежного опыта я бы выделил несколько разных организационных моделей. В Университете Цинхуа работает Институт углеродной нейтральности, а междисциплинарная докторская программа объединяет вопросы энергетики, инженерных технологий, системного анализа, управления и углеродных финансов. Для нас интересен механизм подготовки исследователей, способных работать над единой задачей

на стыке нескольких дисциплин. Он применим, например, при изучении восстановления экосистем, когда природные процессы, технологические решения и экономические последствия необходимо рассматривать совместно.

В Индийском технологическом институте в Мадрасе создана Школа устойчивого развития, которая объединяет преподавателей и исследователей разных подразделений, развивает междисциплинарные курсы и взаимодействие с промышленностью. Среди направлений в Школе есть подготовка специалистов и программы для работающих профессионалов. Для ЧГУ им. А. А. Кадырова представляет интерес возможность выстраивать обучение вокруг конкретных задач отраслей и дополнять университетские исследования короткими программами повышения квалификации для тех, кто непосредственно будет применять новые технологии.

У Национального университета Сингапура полезен подход к управлению самим кампусом. Университет публикует показатели энергопотребления и выбросов, устанавливает цели по снижению удельных затрат энергии и рассматривает лабораторные и учебные здания как объекты постоянного мониторинга. Для нас здесь важна возможность перейти к системному сопоставлению ресурсопотребления по корпусам, выявлению потерь и обоснованию инвестиций в энергоэффективность. Такой учёт одновременно может использоваться как образовательная практика для студентов экономических, экологических и инженерных направлений.

Близок к нашим интересам и опыт Университета Иордании, где действует Центр исследований воды, энергетики и окружающей среды, а задачи природопользования связаны с условиями засушливых территорий. С Самаркандским государственным университетом у нас уже есть совместные образовательные и исследовательские проекты. Поэтому при изучении зарубежного опыта я бы ставил вопрос о переносимости конкретных инструментов: протоколов полевых измерений, устройства междисциплинарных групп, моделей взаимодействия с производителями и форматов совместной подготовки магистрантов и аспирантов. Для регионального университета именно эти механизмы дают наибольшую практическую отдачу.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

За последние 5 лет международная активность университетов по тематике устойчивого развития, на мой взгляд, стала разнообразнее по формам и конкретнее по содержанию. Наряду с конференциями и декларациями расширились прикладные исследовательские сети, совместные образовательные модули, полевые школы и проекты с участием государства и компаний. Изменились и ожидания от публичных мероприятий: важны данные, результаты испытаний, продолжение совместной работы. Вместе с тем динамику нельзя оценивать только по числу форумов или публикаций. Она проявляется и в том, возникли ли после мероприятия устойчивые исследовательские связи и новые программы подготовки.

Различия я вижу не только между странами, но и между типами университетов. Крупные исследовательские центры способны участвовать в глобальных консорциумах, влиять на стандарты и разрабатывать новые технологии. Региональные университеты

обладают другим преимуществом — постоянным доступом к конкретной территории и её хозяйственным проблемам. В Китае научная кооперация тесно связана с промышленными программами, в Индии заметен запрос на доступные технологические решения, в странах Центральной Азии и Ближнего Востока — на исследования воды и землепользования. Для отечественной высшей школы перспективно соединение международных методик с собственными многолетними наблюдениями и практическими задачами регионов.

Эту тенденцию видим и по мероприятиям, которые проводим в ЧГУ им. А. А. Кадырова. В ноябре 2025 года университет стал площадкой VII Кавказского международного экологического форума, объединившего российских и зарубежных специалистов. В августе 2026 года у нас прошёл Форум наилучших практик борьбы с опустыниванием и деградацией земель. По инициативе специального представителя Президента России по вопросам климата и водных ресурсов Руслана Эдельгериева форум собрал представителей органов власти, науки и экспертного сообщества для обсуждения практических решений и подготовки предложений к 17-й сессии Конференции сторон Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием. Предметом дискуссии стали способы восстановления земель, технологии мониторинга и условия применения наилучших практик.

Форум дал основания и для дальнейшего партнёрства. Мы подписали меморандум с Национальной сетью Глобального договора ООН в России о сотрудничестве по Целям устойчивого развития, оформили взаимодействие с фондом «Природа и люди» по вопросам сохранения биоразнообразия и климатической адаптации. Для нас значение подобных соглашений состоит в возможности объединить научные исследования, экспертную работу и интересы организаций, которые занимаются охраной природы и практическим восстановлением территорий.

Дальнейшую динамику международной работы я связываю с переходом от отдельных мероприятий к регулярным исследованиям. Совместные экспедиции, сопоставимые массивы наблюдений, участие аспирантов и общие публикации позволяют оценивать результат сотрудничества гораздо точнее, чем количество подписанных соглашений. Именно по этим направлениям мы намерены развивать уже сложившиеся контакты.

? Расскажите об активности вашего университета в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития, включая динамику этой деятельности.

Академическая мобильность

В международной академической мобильности для нас усиливается исследовательская составляющая. Например, в апреле 2026 года специалисты ЧГУ им. А. А. Кадырова работали в Узбекистане над выбором участков для будущей исследовательской площадки Самаркандского государственного университета. Оценивались природные условия, возможности ведения мониторинга и организации совместных наблюдений. Такие выезды позволяют заранее согласовать исследовательскую задачу и определить, какие данные необходимо получать для последующего сравнения.

В экологическом направлении наиболее предметное взаимодействие развивается с партнёрами из Узбекистана и Иордании. Летом 2026 года делегация Университета Иордании знакомилась с нашей научной, медицинской и образовательной инфраструктурой. Пока мобильность по этим проектам организуется преимущественно под конкретные задачи и мероприятия. Следующий шаг — включать в совместные

исследования и образовательные модули больше преподавателей, магистрантов и аспирантов, согласовывая выезды с полевыми сезонами и программами подготовки.

Мероприятия с зарубежным участием

В университете сформировалась практика проведения международных научных мероприятий по климату, экологии и природопользованию. В VII Кавказском международном экологическом форуме 2025 года участвовали специалисты из Беларуси, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Молдовы и Азербайджана. Обсуждения проходили на университетской площадке и карбоновом полигоне. В этом году состоялся всероссийский симпозиум, посвящённый устойчивости ландшафтов и малых рек Чеченской Республики к климатическим изменениям и деградации земель. Для нас такие встречи важны прежде всего как возможность согласовать исследовательские темы и сформировать рабочие коллективы с участием партнёров из разных организаций.

Есть и международная экспертная кооперация по экономическим и финансовым вопросам. На KazanForum-2026 мы организовали сессию, посвящённую подготовке специалистов для исламских и партнёрских финансов. Это направление связано с устойчивым развитием через механизмы финансирования проектов, распределение рисков и доступность финансовых инструментов для бизнеса. Для университета оно также открывает возможности совместной образовательной и экспертной работы с зарубежными организациями.

Совместные образовательные программы

С Самаркандским государственным университетом имени Шарофа Рашидова с 2024/2025 учебного года реализуем 2 сетевые магистерские программы экологического профиля: «Экологическая экспертиза и контроль» и «Экология (по отраслям и секторам)». По первой базовой организацией выступает ЧГУ, по второй — Самаркандский университет. Совместный формат позволяет использовать преподавательские и исследовательские компетенции обоих вузов, а также формирует условия для подготовки магистерских работ на основе изучения природных территорий России и Узбекистана.

С российскими партнёрами также развиваем сетевые форматы. Совместно с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации реализуем магистратуру «Классическая и исламская модели современного банкинга». Для нас она важна в том числе в контексте расширения институциональных возможностей финансирования экономических проектов. При этом ближайшая задача экологических магистратур — глубже включать в обучение совместную полевую работу, анализ данных и исследовательские задания, выполняемые с участием зарубежных преподавателей.

Совместные исследования и использование научных результатов

ЧГУ им. А. А. Кадырова подписал соглашения с Самаркандским государственным университетом и Университетом Иордании о развитии сотрудничества, связанного с созданием зеркальных карбоновых полигонов. Предполагается проводить исследования по сопоставимым протоколам в различных природно-климатических условиях. Для Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока особенно интересны различия в режимах увлажнения, почвенном покрове, растительности и характере хозяйственной нагрузки. Такие сопоставления могут помочь выявлять общие закономерности и проверять применимость технологий восстановления экосистем на разных территориях.

Сейчас формируем исследовательскую основу этого сотрудничества: согласовываем измеряемые параметры, периодичность наблюдений, требования к качеству и обмену данными, участие аспирантов и подготовку совместных публикаций. Зарубежные научные работы и методики используются при постановке задач и выборе методов

измерений. По мере накопления собственных наблюдений рассчитываем расширять их использование международными партнёрами. Здесь особенно важны воспроизводимость измерений и доступность результатов для сопоставления.

Подготовка и адаптация иностранных обучающихся

В нашем университете обучаются более 800 иностранных граждан из 41 страны, включая 50 слушателей довузовской подготовки. На подготовительном отделении действуют 10-месячные программы русского языка и профильных дисциплин, а также 6-месячная программа изучения русского языка как иностранного. Программы позволяют поступающим освоить необходимый язык обучения и подготовиться к требованиям выбранного направления. Предусмотрены итоговые испытания, помощь с оформлением документов, миграционным учётом и размещением в общежитии.

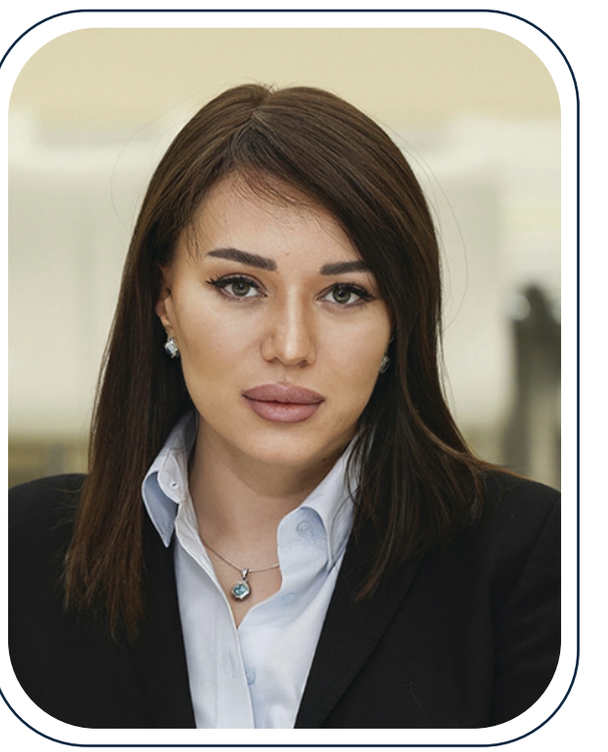
При подготовке иностранных студентов учитываем и вопросы повседневной адаптации. Помимо языка и профильных дисциплин, поступающим необходимы сведения об устройстве университета, правилах пребывания, условиях проживания и культурной среде региона. В 2026 году мы выпустили «Гид иностранного студента ЧГУ им. А. А. Кадырова» с практической информацией об учёбе и университетской жизни. Он дополняет работу профильных служб и помогает студентам быстрее ориентироваться в новой образовательной и социальной среде.

Зарубежные методики, стандарты и их применение

В экологических исследованиях используем международные подходы к мониторингу парниковых газов, оценке углеродного баланса, деградации земель и климатической адаптации. В частности, изучаем методические материалы Межправительственной группы экспертов по изменению климата и Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием, сопоставляем их с российскими требованиями и задачами наших исследований. Для нас принципиально, чтобы методы можно было воспроизводить в полевых условиях, а результаты — сопоставлять с данными партнёров на территориях с иным климатом и характером землепользования.

В области экономики и финансов отдельное направление связано с изучением международных стандартов AAOIFI и практик партнёрского финансирования. Мы участвуем в экспертном обсуждении соответствующих инструментов, на базе ЧГУ им. А. А. Кадырова действует тестовый центр AAOIFI. В образовательной работе рассматриваем принципы устройства финансовых продуктов и требования к ответственности их участников. Для устойчивого развития эта проблематика важна с институциональной точки зрения: реализация долгосрочных инфраструктурных, природоохранных и технологических проектов зависит от доступности капитала, распределения рисков и качества финансового регулирования. Зарубежные подходы изучаем с учётом возможностей их применения в российских правовых и экономических условиях.

«Устойчивое развитие не может сводиться к формальному следованию универсальным стандартам. Необходимы решения, учитывающие национальные приоритеты, отраслевую специфику и особенности конкретных территорий»

Интервью с Татьяной Шебзуховой, ректором Северо-Кавказского федерального университета

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Насколько вы согласны с этим утверждением? В чём наиболее ярко проявляется этот перенос — как в целом, так и применительно к высшей школе?

Я считаю, что сегодня мы действительно наблюдаем перераспределение глобальных инициатив в сфере устойчивого развития. При этом речь идёт не столько о полном смещении центра влияния с Запада на Восток, сколько о формировании более многополярной модели, в которой всё большую роль играют Китай, Индия и другие страны Глобального Юга.

Европейские страны во многом определили нормативную и концептуальную основу современной ESG-повестки. Однако практика показала, что реализация масштабных климатических целей требует не только политических обязательств и регуляторных механизмов, но и технологических решений, значительных инвестиций, доступных энергетических ресурсов и учёта реальных возможностей экономики. В этом смысле опыт последних лет заставляет многие страны пересматривать подходы к достижению целей устойчивого развития, уделяя больше внимания балансу экологических, экономических и социальных приоритетов.

Наиболее заметно возрастающая роль стран Азии проявляется в масштабах инвестиций в новые энергетические технологии, развитии промышленной инфраструктуры, цифровизации и активном внедрении научных разработок. Китай демонстрирует, насколько тесная связь университетской науки, государства и бизнеса позволяет ускорять технологические преобразования. Индия, в свою очередь, представляет интерес с точки зрения масштабирования цифровых решений и развития моделей инклюзивного роста.

Эти изменения отражаются и на высшей школе. Университеты всё чаще рассматриваются не только как площадки для изучения принципов устойчивого развития, но и как непосредственные участники решения соответствующих задач: от подготовки инженеров для новых отраслей экономики до разработки технологий ресурсосбережения и адаптации территорий к климатическим изменениям.

Для нас принципиально важно, что устойчивое развитие не может сводиться к формальному следованию универсальным стандартам. Необходимы решения, учитывающие национальные приоритеты, отраслевую специфику и особенности конкретных территорий.

Для Северо-Кавказского федерального университета это означает необходимость сочетать лучшие международные практики с задачами развития Северного Кавказа. Наш регион обладает значительным потенциалом в области энергетики, агропромышленного комплекса, туризма и рационального использования природных ресурсов. Именно здесь университетская наука, современные образовательные программы и международное сотрудничество могут обеспечить практический вклад в устойчивое развитие территорий.

? Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

В СКФУ подход к устойчивому развитию последовательно эволюционирует: от осмысления международной ESG-повестки к её практической интеграции в образовательную, научную и управленческую деятельность университета.

Сегодня мы рассматриваем устойчивое развитие не как отдельное направление работы и не как набор формальных показателей, а как комплексный подход к решению долгосрочных задач. Для университета это прежде всего подготовка востребованных специалистов, создание технологий для реального сектора экономики, развитие социальной инфраструктуры и укрепление международного академического сотрудничества.

В образовательной деятельности мы интегрируем компетенции в области ESG и устойчивого развития в программы подготовки управленческих и экономических кадров, усиливаем экологическую составляющую технических направлений, развиваем дополнительное профессиональное образование. При этом особое внимание уделяем тому, чтобы полученные знания могли применяться в профессиональной практике — в управлении организациями, оценке инвестиционных решений, реализации технологических проектов и развитии территорий.

Важным примером международного образовательного сотрудничества стал запуск в сентябре 2026 года Международного института интеллектуальной инженерии в Харбине — совместного проекта СКФУ и Хэйлунцзянского научно-технического университета. В первый год работы институт принял 450 студентов на три программы бакалавриата и три программы магистратуры по направлениям электроэнергетики, инфокоммуникационных технологий и информационных систем.

Обучение ведётся на английском языке, преподаватели СКФУ участвуют в реализации образовательных программ непосредственно в Китае, а выпускники смогут получить дипломы двух университетов. Этот проект отражает наше понимание современного университета как открытой академической системы, в которой объединяются образовательные ресурсы, научные компетенции и инфраструктура разных стран.

Его значение для повестки устойчивого развития заключается прежде всего в подготовке инженерных и цифровых кадров, необходимых для модернизации экономики и формирования современной инфраструктуры. Электроэнергетика, информационные системы и коммуникационные технологии имеют принципиальное значение для повышения энергоэффективности, цифровой трансформации и рационального использования ресурсов.

Не менее важна и сама модель взаимодействия: объединение материально-технической базы одного университета, преподавательского потенциала и образовательных методик другого позволяет расширять доступ к качественному образованию и эффективнее использовать имеющиеся ресурсы.

Таким образом, для СКФУ устойчивое развитие — это не только содержание отдельных дисциплин, но и принцип организации университетской деятельности, основанный на технологическом развитии, социальной ответственности и долгосрочном партнёрстве.

? Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

В СКФУ повестка устойчивого развития охватывает несколько взаимосвязанных направлений: подготовку кадров, научные исследования, взаимодействие с бизнесом и органами власти, популяризацию ответственных управленческих практик и формирование доступной образовательной среды.

Одним из ключевых образовательных проектов является магистерская программа «Финансы устойчивого развития (ESG-финансы)». В текущем учебном году на ней обучаются 35 человек — почти вдвое больше, чем годом ранее, когда контингент составлял 18 человек. Из них 25 студентов учатся на бюджетной основе, 10 — на внебюджетной.

Программа объединяет экологическую, социальную и управленческую составляющие устойчивого развития, формируя у обучающихся компетенции, необходимые для оценки рисков, принятия инвестиционных решений и внедрения принципов ответственного управления.

Мы также развиваем дополнительное профессиональное образование. В университете реализуются программы «Финансы устойчивого развития / ESG-finance» объёмом 252 часа и «Бизнес будущего: стратегии и инструменты устойчивого развития в условиях цифровизации и неопределённости» объёмом 36 часов. Программы ориентированы на специалистов, которым необходимо учитывать современные требования к управлению организациями и оценке их долгосрочной эффективности.

В научной сфере важное место занимает Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития горных территорий в условиях глобальных изменений». В 2025 году она состоялась в пятый раз на базе Тебердинского национального парка и объединила более 50 учёных из России, стран СНГ и Таиланда. Для Северного Кавказа эта тематика имеет особое значение: горные экосистемы требуют комплексного изучения, а их сохранение непосредственно связано с водными ресурсами, биоразнообразием, развитием туризма и благополучием местных сообществ.

Ещё один ежегодный проект — неделя бизнес-инициатив устойчивого развития «Управляй будущим», инициированная кафедрой менеджмента экономического факультета. Впервые мероприятие состоялось в 2024 году, а в 2025-м закрепилось в календаре университета как ежегодная площадка для обсуждения и продвижения практических инициатив в сфере устойчивого развития.

Особое внимание мы уделяем социальной составляющей. В университете работают Клиника персонализированной медицины, комната матери и ребёнка, детская игровая комната, Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. В корпусах университета предусмотрены элементы безбарьерной среды, включая пандусы, тактильные мнемосхемы, кнопки вызова помощников и доступные санитарные помещения.

Для нас социальная ответственность означает создание условий, при которых каждый человек может получать образование, развивать профессиональные компетенции и полноценно участвовать в университетской жизни.

В ближайшие один-два года мы намерены расширять линейку программ дополнительного профессионального образования в области ESG, в том числе разрабатывать специализированные курсы для государственных служащих и представителей бизнеса. Это позволит активнее включать университет в решение задач ответственного управления и устойчивого развития организаций.

Ещё одно приоритетное направление — углубление сотрудничества с китайскими университетами в области зелёных технологий, инженерного образования и устойчивого развития территорий. Мы заинтересованы в развитии совместных исследований, обмене научными компетенциями и подготовке специалистов, способных применять современные технологические решения с учётом региональных потребностей.

Наша стратегическая задача — обеспечить взаимосвязь образовательных программ, научных исследований и практических запросов общества, чтобы результаты университетской деятельности приносили долгосрочную пользу региону и стране.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

Я бы выделила опыт Китая, европейских стран и Индии. При этом важно не механически переносить зарубежные модели в российскую образовательную систему, а определять те решения, которые могут быть адаптированы к нашим условиям и задачам развития регионов.

Прежде всего, заслуживает внимания китайский опыт интеграции университетской науки с промышленностью. В Китае взаимодействие университетов, предприятий и государства позволяет создавать условия для практического применения научных разработок — в энергетике, промышленности, цифровых технологиях и ресурсосбережении.

Для СКФУ особенно интересны модели, при которых исследовательские проекты изначально ориентированы на конкретные технологические задачи и потребности предприятий. Такой подход соответствует нашему стремлению укреплять связь науки с реальным сектором экономики, развивать ресурсосберегающие технологии и формировать предпосылки для экономики замкнутого цикла.

Второе направление — опыт европейских университетов в создании инклюзивной образовательной среды и интеграции принципов социальной ответственности

в повседневную деятельность. В рамках взаимодействия с Римским университетом «Сапиенца» и Дрезденским техническим университетом для нас представляет интерес организация доступной инфраструктуры, сопровождение обучающихся с особыми образовательными потребностями и включение соответствующих принципов в образовательные и управленческие процессы.

Значимость этого опыта состоит в том, что инклюзивность должна обеспечиваться не отдельными мероприятиями, а системной организацией университетской среды — от проектирования зданий и цифровых сервисов до методик преподавания и механизмов поддержки студентов.

Третье направление — индийский опыт развития цифрового образования и образовательных инициатив, ориентированных на социальные потребности и развитие территорий. Для страны с большой численностью населения и значительными различиями в уровне социально-экономического развития отдельных регионов доступность образования является важнейшим условием устойчивого роста.

Для Северного Кавказа эти подходы также актуальны. Мы заинтересованы в решениях, которые позволяют расширять образовательные возможности жителей разных территорий, развивать человеческий капитал и повышать доступность современных знаний и технологий.

В целом международный опыт убеждает нас в том, что устойчивое развитие в высшей школе наиболее эффективно там, где экологические, экономические и социальные задачи решаются совместно. Именно такую комплексную модель мы стремимся развивать в СКФУ, объединяя подготовку кадров, исследования, технологические инициативы и социальную ответственность.

? Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

За последние пять лет устойчивое развитие стало более заметной частью международной университетской повестки. Расширились тематика научных конференций и исследований, практика публикации аналитических материалов, межуниверситетское сотрудничество и разработка образовательных программ, связанных с ESG, экологической ответственностью и социальным развитием.

При этом изменяется и характер этой активности. Если на первоначальном этапе значительное внимание уделялось формированию общих подходов и распространению соответствующей терминологии, то сегодня всё более востребованы практические результаты: разработка технологий, оценка воздействия на окружающую среду, повышение ресурсной эффективности, развитие инклюзивного образования и подготовка специалистов для новых отраслей экономики.

Сохраняется и национальная специфика. Европейские университеты накопили значительный опыт институционализации принципов устойчивого развития, разработки систем оценки и раскрытия информации, а также формирования инклюзивной образовательной среды. Вместе с тем реализация отдельных климатических и энергетических инициатив зависит от экономических условий, стоимости ресурсов и приоритетов государственной политики.

Китайские университеты привлекают внимание масштабами исследований и тесной интеграцией науки с технологическим развитием. Здесь особенно интересен переход от научных разработок к их промышленному применению, а также формирование совместных образовательных и исследовательских площадок с зарубежными партнёрами.

В странах Центральной Азии и Африки большое значение имеют вопросы доступности образования, социальной инклюзии, продовольственной безопасности и устойчивого развития территорий. Эти направления во многом совпадают с задачами, которые стоят перед университетами Северного Кавказа.

Важным изменением стало и расширение международного сотрудничества. Университеты активнее создают совместные программы, организуют академические обмены, проводят конференции и формируют международные исследовательские коллективы. Однако само по себе количество мероприятий ещё не свидетельствует о глубине взаимодействия. Ключевой показатель — способность партнёров совместно решать научные и образовательные задачи, обеспечивать преемственность проектов и получать результаты, востребованные за пределами академической среды.

Поэтому сегодня я бы оценивала эффективность международной активности не только по числу конференций, публикаций или соглашений, но прежде всего по устойчивости партнёрств, качеству совместных исследований и их практическому эффекту.

Для СКФУ этот подход принципиален. Мы стремимся развивать сотрудничество, которое обеспечивает реальный обмен компетенциями, расширяет возможности студентов и исследователей и помогает находить решения для долгосрочного развития нашего региона.

? Расскажите об активности вашего университета в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития, включая динамику этой деятельности.

Международное сотрудничество — одно из важных условий развития Северо-Кавказского федерального университета. Мы рассматриваем сотрудничество не только как инструмент академической мобильности, но и как возможность объединять научные компетенции, развивать современные образовательные программы и совместно решать задачи устойчивого развития.

В нашей работе можно выделить несколько основных направлений: академическую мобильность, международные образовательные проекты, научные исследования, подготовку иностранных специалистов и изучение зарубежных подходов к регулированию устойчивого развития.

- ***Студенческие обмены и академическая мобильность***

СКФУ поддерживает партнёрские отношения более чем с 70 университетами стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и Азии. В настоящее время в университете обучаются свыше 1400 иностранных студентов из 51 страны мира.

В развитии академической мобильности мы уделяем приоритетное внимание сотрудничеству с университетами стран СНГ, Китая, Ирана и Турции. У нас действуют программы обмена и академического взаимодействия с Астанинским международным университетом, Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилёва и другими зарубежными партнёрами.

Особое значение имеет связь мобильности с конкретными образовательными программами и профессиональными компетенциями. Такой подход позволяет сделать международные обмены содержательными: студенты не только знакомятся с другой академической средой, но и получают знания и опыт, применимые в будущей профессиональной деятельности.

Наиболее масштабным примером развития международного образовательного сотрудничества стал запуск в сентябре 2026 года Международного института интеллектуальной инженерии в Харбине — совместного проекта СКФУ и Хэйлунцзянского научно-технического университета.

В первый год работы институт принял 450 студентов на три программы бакалавриата и три программы магистратуры в области электроэнергетики, инфокоммуникационных технологий и информационных систем. Обучение ведётся на английском языке, преподаватели СКФУ участвуют в реализации программ в Китае, а выпускники смогут получить дипломы двух университетов.

Этот проект расширяет возможности международной подготовки инженерных кадров и создаёт условия для обмена образовательными технологиями. В более широком контексте он способствует развитию компетенций, необходимых для цифровой трансформации и модернизации инфраструктуры.

- ***Организация собственных мероприятий и участие в международных инициативах***

В 2025 году СКФУ провёл более 100 мероприятий для зарубежной аудитории, направленных на продвижение русского языка и культуры.

Одним из наиболее значимых проектов стала «Школа молодых лидеров», которая проводилась в странах Ближнего Востока, Закавказья и Северной Африки. В мероприятиях школы приняли участие более 600 молодых людей, разработавших свыше 60 социальных проектов.

Для нас важно, что подобные инициативы создают пространство для международного диалога и развития лидерских компетенций. Они позволяют молодым людям из разных стран совместно работать над социально значимыми задачами, обмениваться опытом и формировать профессиональные связи.

В научной сфере ключевое место занимает ежегодная Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития горных территорий в условиях глобальных изменений». В 2025 году она прошла в пятый раз на базе Тебердинского национального парка и объединила учёных из России, стран СНГ и Таиланда.

Конференция посвящена вопросам, имеющим особое значение для Северного Кавказа: сохранению горных экосистем, изучению последствий глобальных изменений, рациональному использованию природных ресурсов и поиску научно обоснованных подходов к развитию горных территорий.

- ***Совместные образовательные программы с зарубежными университетами***

Мы последовательно расширяем сотрудничество в области разработки совместных образовательных программ.

В частности, достигнуты договорённости со Столичным педагогическим университетом Китая о разработке совместных магистерских программ по специальному (дефектологическому) образованию и бакалаврских программ по медиации и социальной педагогике. Также обсуждается создание совместной лаборатории инклюзивного образования.

Это направление имеет особое значение, поскольку устойчивое развитие невозможно без равного доступа к качественному образованию и формирования условий для полноценного участия людей с различными образовательными потребностями в общественной и профессиональной жизни.

Мы рассчитываем, что сотрудничество позволит объединить научные и методические компетенции двух университетов, расширить возможности подготовки специалистов и развивать исследования в области инклюзивного образования.

- ***Совместные исследования в области устойчивого развития***

Наши учёные взаимодействуют с Чиангмайским университетом в Таиланде и университетами Центральной Азии по вопросам изучения горных экосистем и адаптации к климатическим изменениям.

Это направление особенно актуально для регионов со сложными природными условиями, где экологические процессы непосредственно влияют на экономику, сельское хозяйство, туризм и качество жизни населения. Международное научное сотрудничество позволяет сопоставлять результаты исследований, обмениваться методиками и формировать более комплексное понимание происходящих изменений.

Кроме того, в СКФУ успешно завершено исследование аспиранта из Кот-д'Ивуара, посвящённое взаимосвязи целей устойчивого развития и инклюзивного экономического роста.

Наши исследователи также занимаются тематикой ESG, в том числе вопросами интеграции показателей устойчивого развития в финансовую отчётность и адаптации международных подходов к российской практике.

Для нас важно, чтобы международные исследования не ограничивались академическим обменом, а способствовали развитию научных компетенций университета и формированию решений, применимых в экономике и социальной сфере.

- ***Подготовка иностранных студентов и специалистов***

В СКФУ функционирует подготовительное отделение для иностранных граждан, реализующее программы предвузовской подготовки продолжительностью от 8 до 10 месяцев. Они включают изучение русского языка и профильных дисциплин по инженерно-техническому, естественно-научному, медико-биологическому и гуманитарному направлениям. Обучение организовано в очной и дистанционной формах.

Важной частью этой работы является не только академическая подготовка, но и адаптация иностранных обучающихся к новой языковой и культурной среде. Для этого используются система тьюторского сопровождения и адаптационные модули.

В сентябре 2025 года мы также запустили два специализированных курса повышения квалификации для преподавателей африканских университетов: «Биотехнологии и продовольственная безопасность» и «Цифровая трансформация образования в области ИКТ». Каждый курс рассчитан на 80 академических часов интенсивной подготовки.

Эти программы отражают наше стремление развивать международное сотрудничество на основе обмена профессиональными компетенциями и опытом. Подготовка специалистов в области биотехнологий, продовольственной безопасности и цифрового образования имеет непосредственное значение для решения долгосрочных экономических и социальных задач.

- ***Изучение зарубежной нормативной базы в области устойчивого развития***

Отдельное направление нашей деятельности — анализ международных подходов к регулированию и оценке устойчивого развития.

Преподаватели и исследователи СКФУ, работающие в области ESG, отслеживают изменения в нормативной и методической базе, включая Таксономию Европейского

союза, требования к раскрытию информации об устойчивом развитии в рамках международных стандартов финансовой отчётности, Китайский зелёный каталог, а также стандарты GRI и SASB.

Результаты этой работы используются при совершенствовании магистерской программы «Финансы устойчивого развития (ESG-финансы)» и разработке программ дополнительного профессионального образования. Наши исследователи также публикуют работы, посвящённые адаптации международных подходов к ESG-отчётности к российским условиям.

Принципиально важно, что мы рассматриваем зарубежный опыт как источник методологических решений, которые необходимо критически оценивать с учётом российского законодательства, национальных приоритетов и особенностей региональной экономики.

Полученные результаты применяются при разработке внутренних документов университета в сфере устойчивого развития и подготовке аналитических материалов для региональных органов власти.

В целом динамика международного сотрудничества СКФУ характеризуется переходом от преимущественно академических контактов к более комплексным форматам взаимодействия, включающим совместные образовательные программы, научные исследования, повышение квалификации специалистов и развитие международных площадок.

Наша дальнейшая задача — повышать результативность этого сотрудничества, расширять географию партнёрств и укреплять взаимосвязь международных проектов с потребностями региона. Мы убеждены, что именно такой подход позволяет университету вносить реальный вклад в достижение целей устойчивого развития, одновременно укрепляя собственный научный и образовательный потенциал.

«Реализация повестки устойчивого развития в ГГТУ строится на сочетании научной базы, проектной работы и вовлечения студентов в реальные экологические практики»

Интервью с Элиной Яковлевой, проректором по научной и инновационной деятельности Государственного гуманитарно-технологического университета

? В последнее время всё чаще приходится слышать, что центр тяжести в реализации повестки устойчивого развития смещается с Запада на Восток. Исходная — западная — трактовка теряет свою актуальность не столько из-за зацикленности на diversity с десятками гендеров, сколько из-за неспособности осуществить продекларированный ускоренный переход на безуглеродные рельсы: европейская экономика этот переход осуществить в запланированные сроки явно не в состоянии. В этих условиях Глобальный Юг (прежде всего Китай и Индия) становится локомотивом в реализации ESG-повестки, развитии её нормативной и научно-исследовательской базы. Насколько вы согласны с этим утверждением? Если да, то в чём этот перенос «центра тяжести» наиболее ярко проявляется — и в целом в отношении реализации повестки УР, и применительно той её части, которая касается высшей школы?

Если говорить о том, как глобальные сдвиги в повестке устойчивого развития отражаются на реальной работе университета, то вектор нашего международного сотрудничества служит одним из самых наглядных подтверждений этого тренда. Ключевыми партнёрами ГГТУ сегодня выступают вузы КНР — Шанхайский политехнический университет, Цицикарский университет, Яньчэнский педагогический университет, — а также университеты Беларуси, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана. При этом мы сознательно уходим от формальных деклараций: фокус смещён на практико ориентированные проекты, академическую мобильность и совместные научные мероприятия с вузами стран СНГ и Азии. Такой подход позволяет не просто обмениваться опытом, а совместно вырабатывать решения, актуальные для Подмосковья.

Как изменения в содержании, в приоритетах при внедрении принципов устойчивого развития сказались на практике в вашем университете?

В ГГТУ сегодня приоритеты выстроены так, чтобы максимально отвечать запросам страны и Московской области: акцент сместился на достижение технологического суверенитета и решение конкретных региональных задач. В логике устойчивого развития это означает не абстрактные декларации, а формирование реальных компетенций и создание востребованных продуктов. Ярким примером такой связки стала совместная работа с АО «Эколаб» по развитию фармацевтических технологий и созданию отечественных лекарственных средств — здесь и развитие естественно-научной грамотности студентов, и прямой вклад в обеспечение технологической независимости отрасли.

Какие наиболее существенные проекты, задачи в области устойчивого развития сейчас реализуются в вашем вузе? Какие намечаете осуществить в ближайшие год-два?

Практическая реализация повестки устойчивого развития в ГГТУ строится на сочетании научной базы, проектной работы и вовлечения студентов в реальные экологические практики. Успешно функционирует Лаборатория структурного моделирования и проектирования агробиоэкосистем, где реализуется проект «Отходы в доходы», позволяющий переосмысливать вторичные ресурсы как экономический и экологический актив. Параллельно в Современной лаборатории открытий и новаций (СЛОН) студенты и школьники работают над цифровыми решениями — программируют «умные теплицы» и анализируют экологические показатели водоёмов. Активное участие молодёжи в экологических акциях вроде «БумБатл» и «Зелёный Зачёт» формирует не только компетенции, но и ответственное отношение к окружающей среде. В настоящее время идёт масштабное обновление студенческого городка с обустройством экопарка: это не просто благоустройство, а формирование многофункциональной среды — для учёбы, отдыха и неформального взаимодействия, где принципы устойчивого развития становятся частью повседневной жизни университета.

Одним из ключевых социальных проектов ГГТУ в 2026 году стала «Школа молодого педагога “Навигатор истории”», которая создана в рамках региональной программы исторического просвещения. С позиции устойчивого развития проект работает на долгосрочный эффект: помогает сохранять и передавать культурный и исторический капитал, учит будущих педагогов грамотно обращаться с исторической памятью, анализировать источники и транслировать знания в школьной практике. Интерес международных партнёров к Школе подтверждает, что такой подход востребован за пределами региона и открывает возможности для обмена лучшими практиками и развития совместных академических инициатив.

Один из главных приоритетов ГГТУ — развитие системы родительского просвещения как важного элемента устойчивой образовательной среды Московской области. В рамках этой работы университет создает методические продукты с использованием искусственного интеллекта. В настоящее время проходит апробацию «Тренажёр общения с родителями «РодИИтелей — в школу» — это инструмент подготовки педагогов, который помогает формировать устойчивые коммуникативные компетенции и навыки конструктивного диалога с семьями. Работа тренажёра строится в безопасной среде

с анализом диалогов и разными сценариями, что позволяет молодым педагогам уверенно выстраивать партнёрское взаимодействие с родителями — а это ключевой элемент стабильной и доверительной образовательной экосистемы региона.

В рамках технологической трансформации педагогического образования создан «Техноцентр», включающий лабораторию цифровой дидактики «Технопедагог», центр русского языка, культуры и традиций «Технологос», историко-патриотический центр «Техно-Грани». Ключевой вектор их работы — усиление практико-ориентированных задач. Также в ГГТУ работает лаборатория «ИИ лаб», которая помогает выстраивать в системе образования региона устойчивую экосистему цифрового образования, предоставляя педагогам методические инструменты, строгое соблюдение этических и безопасных практик внедрения ИИ и научную оценку его влияния на обучение.

Таким образом, ГГТУ не просто внедряет отдельные инициативы, а выстраивает устойчивую образовательную экосистему Московской области, где забота об окружающей среде, сохранение культурного капитала и развитие человеческих ресурсов поддерживают друг друга. Благодаря такой связке университет реально влияет на устойчивое развитие Подмосковья.

? Опыт каких стран и университетов в дела внедрения УР в высшей школе вы считаете достойным заимствования, изучения? Что это за опыт?

При выстраивании собственной повестки устойчивого развития мы уделяем особое внимание изучению опыта зарубежных партнёров, ориентируясь на те практики, которые можно адаптировать к нашим социокультурным условиям. Наиболее актуальным для нас представляется опыт системы образования КНР, а также передовых вузов Республики Беларусь, таких как Полоцкий государственный университет и Брестский государственный университет. В их работе нам особенно ценен подход к сохранению историко культурного наследия и к выстраиванию устойчивых социальных связей: это позволяет укреплять идентичность территории и формировать долгосрочные партнёрства с сообществами. Мы рассматриваем эти модели не как готовые шаблоны, а как источник решений, которые можно переосмыслить и внедрить с учётом специфики региона и задач нашего университета.

В логике устойчивого развития ключевым становится не просто внедрение инноваций, а их осмысленная адаптация к местным условиям — именно на этом строится наше партнёрство с ведущими вузами Китая. В 2026 году ГГТУ реализовал совместную программу с Шанхайским политехническим университетом «Инновационные подходы к управлению и модернизации образовательной системы: опыт Китая и возможности для адаптации в Московской области». Её цель — не копирование внешних моделей, а трансляция управленческих решений с учётом специфики региона. В программе приняли участие 100 представителей управлений образованием и директоров школ более чем из 15 муниципалитетов Подмосковья — это позволяет масштабировать лучшие практики и выстраивать единую, устойчивую образовательную экосистему территории.

На ноябрь 2026 года запланирован старт новой программы в партнёрстве с Нанкинским университетом — «Инновационные подходы к организации математического и инженерного образования: опыт Китая и возможности для адаптации в Московской области». Она рассчитана более чем на 150 участников и продолжает наш вектор: развитие кадрового потенциала и укрепление научно образовательной инфраструктуры региона как основы долгосрочного социально экономического роста.

Как бы вы оценили динамику внешних проявлений активности вузов разных стран в обсуждении и популяризации принципов устойчивого развития (организация конференций и др. мероприятий, участие в них; проведение и публикация исследований; набор студентов на совместные программы и пр.) за последние лет пять? Существует ли здесь какая-то страновая или какая-то иная специфика?

Динамика международного сотрудничества ГГТУ демонстрирует устойчивую положительную тенденцию. Только за 2025 год в международных научных, образовательных и культурных мероприятиях приняли участие 1 189 студентов и более 150 преподавателей университета — это показатель растущей вовлечённости и востребованности наших специалистов и обучающихся на внешних площадках.

Страновая специфика партнёрств отражает текущие интеграционные приоритеты: мы последовательно углубляем взаимодействие в рамках Союзного государства России и Беларуси, одновременно расширяя сотрудничество с Китаем и странами Центральной Азии. Такой вектор позволяет выстраивать долгосрочные академические связи и реализовывать совместные проекты, ориентированные на решение актуальных отраслевых и региональных задач.

Расскажите, пожалуйста, об активности (включая оценку динамики этой активности) вашего вуза по участию в международном сотрудничестве по повестке устойчивого развития:

- **студенческие обмены и академическая мобильность в целом, в т. ч. относительно ППР (с какими странами/вузами, регулярность и численность, привязанность к тематике или учебным программам, приоритетность и т. д.);**
- **организация собственных мероприятий и участие в чужих мероприятиях, где представлены зарубежные вузы (тематика, регулярность, формы участия);**
- **совместные с зарубежными вузами учебные программы (содержание, количество студентов и пр.);**
- **совместные с зарубежными вузами исследования по тематике устойчивого развития (тематика, количество и наличие программы таких исследований), использование зарубежных исследований вашими аспирантами и ППР (и наоборот — использование работ ваших исследователей зарубежными коллегами).**

Международное сотрудничество ГГТУ сегодня охватывает широкий спектр форматов — от академической мобильности до совместных научных проектов. В части студенческих обменов мы реализуем программы с КНР: сейчас в нашем университете обучаются 22 китайских студента, а 14 студентов ГГТУ проходят обучение в университетах Китая. Кроме того, в 2025 году стажировки в вузах и колледжах Молдовы, Беларуси, Казахстана и ПМР прошли 1 354 студента и 198 преподавателей — это показатель системной работы по расширению академических связей.

Активная событийная повестка подкрепляет эти процессы: в 2025 году ГГТУ организовал 12 научных мероприятий с международным участием и регулярно участвует

в профильных дискуссионных площадках, в том числе в партнёрстве с Университетом «Туран» (Казахстан) и Гомельским государственным университетом (Беларусь). ГГТУ ежегодно выступает организатором Всероссийской конференции с международным участием «Перспективы внедрения инновационных технологий в медицине и фармации» в партнёрстве с компанией «Эколаб». Конференция служит междисциплинарной площадкой для обсуждения актуальных направлений развития медицинской и фармацевтической отрасли, демонстрации прикладных разработок и трансляции лучших практик. Участие международных экспертов расширяет профессиональный диалог и способствует интеграции региональных научных школ в общероссийское и глобальное исследовательское пространство.

Отдельное внимание уделяем совместным исследованиям, где важна не только научная, но и межкультурная составляющая. Например, реализуется проект «Различия в символическом значении животных в китайской и западной культурах», а студенты вуза принимают участие в крупных международных конгрессах — в частности, в XII конгрессе «Безопасный спорт 2025». Такой комплексный подход позволяет студентам получать междисциплинарный и межкультурный опыт, а университету — укреплять устойчивые партнёрские связи.

? Как организована программа подготовки иностранных слушателей к обучению? Получают ли иностранные студенты необходимые знания языка и культуры перед курсом или во время его прохождения?

В ГГТУ языковая подготовка выстроена на принципах полного погружения и охватывает все аспекты речевой деятельности в аутентичной коммуникативной среде. Мы системно развиваем изучение как русского, так и китайского языков, делая акцент не только на грамматике и лексике, но и на реальном использовании языка в профессиональных и бытовых ситуациях.

Важная составляющая программы — целенаправленная подготовка к сдаче официальных экзаменов: российские студенты готовятся к HSK, китайские — к ТРКИ. Это даёт не просто формальное подтверждение уровня, а реальную измеримую траекторию освоения языка и повышает востребованность выпускников на международном рынке труда.

Социокультурная и языковая адаптация иностранных студентов, в том числе из КНР, — отдельная системная задача, которую решает лаборатория «Центр русского языка, культуры и традиций «Техно Логос». Её работа выходит за рамки традиционного преподавания: студенты знакомятся с культурным и историческим контекстом, традициями, нормами коммуникации. Такой комплексный подход позволяет быстрее интегрироваться в академическую и повседневную среду, выстраивать продуктивную коммуникацию и воспринимать образование как часть межкультурного профессионального опыта. В результате ГГТУ формирует специалистов, обладающих не только лингвистическими компетенциями, но и устойчивыми навыками межкультурного взаимодействия.

? Изучается ли зарубежная нормативная база по УР? Насколько занимающиеся в вашем вузе тематикой УР осведомлены о ситуации в данной сфере в других странах (каких именно, насколько пристально следите, как используете полученные знания)?

В ГГТУ системно поддерживается осведомлённость о зарубежных нормативах и современных отраслевых стандартах. Ключевым каналом актуализации знаний выступает участие преподавателей и студентов в профильных международных мероприятиях — в том числе в крупных отраслевых выставках, таких как Pharmtech & Ingredients – 2025, а также в тематических круглых столах, например, «Публичное правовое регулирование экономической деятельности».

Такой формат позволяет не только отслеживать изменения в нормативной базе, но и сопоставлять российские и зарубежные подходы, анализировать регуляторные тренды и учитывать их при проектировании образовательных программ и прикладных исследований. Полученные на площадках знания мы интегрируем в учебные модули и проектную работу студентов, чтобы готовить специалистов, ориентирующихся в международном нормативном поле.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЁРЫ:

АНТИПЛАГИАТ

PM ПРАКТИКА
РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ.

ESG WORLD

Бизнес & Общество
ESG и партнерство КСО и устойчивое развитие

ESG club.
телеграм-канал

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ
ГАРАНТ
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ
ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

РЕКТОР ВУЗА

Выберу

АССОЦИАЦИЯ МЕНЕДЖЕРОВ

ЭКОЛОГИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ECODAO
ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ

Вестник Образования России
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Официально. Оперативно. Достоверно.

ГРИНИУМ

НАУЧНЫЙ КРУЖОК
им. О. Л. Дубовик
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

РЕКТОР ГОВОРИТ!

УНИВЕРСИТЕТЫ.РФ